

БОВТ ИЛЬЯ

СЧАСТЛИВЫЕ ПЧЁЛКИ

ФИЛОСОФИЯ ОСОЗНАННОГО
ОБРАЗА ЖИЗНИ

Илья Бовт
Счастливые пчёлки.
Философия осознанного
образа жизни
Серия «Все о психологии человека»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69014041

*Счастливые пчёлки. Философия осознанного образа жизни. / Бовт И. В.: Общественная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков; Краснодар; 2023
ISBN 978-5-907580-47-3*

Аннотация

Вас учит ваш опыт, а не слова книги. Просто ваш опыт куда шире, чем видно узким лучом сознания, и мои слова помогают обратить внимание на другие его стороны.

Эта книга о вас, о жизни и о смысле. И необязательно в таком порядке.

Это системный обзор, анализ и объяснение сотен фактов и мнений о человеке со стороны наук, философии, религий и мистических учений.

Исследование призвано объединить научное и духовное представление о человеке в общей для них нейрофилософии.

Примерив это знание на себя, читатель увидит путь. Не одинокий путь во враждебном мире, а новую этику осознанного образа жизни, где у каждого человека рождается его идентичность и смысл.

Содержание

Вступление	7
Прежде, чем начать	7
1. Цель и смысл книги	7
2. Формат подачи	32
Глава 1	47
Почему сложно меняться	47
3. Картины мира, нить	47
4. Нормальность	51
Как сформулировать понятный всем закон?	64
5. Иллюзия понимания друг друга	64
6. Выживаем, искажая	79
7. Правильное понимание слов	92
Модель проблемы	109
8. Понятие проблемы	109
9. Внутреннее напряжение (потребность)	122
Глава 2	127
Ассоциации	127
10. Ассоциации, интеллект и эмоции	127
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Илья Бовт
Счастливые пчёлки.
Философия осознанного
образа жизни

Всё
о психологии
человека

© Илья Бовт, 2023

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,

ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ, 2023

Вступление

Прежде, чем начать

1. Цель и смысл книги

У мудреца спросили:

– Долго ли нам ждать перемен?

Он ответил:

– Если ждать, то долго.

Цель и назначение этой книги просты.

Я буду рад узнать что-то новое, измениться, услышать критику и поспорить с каждым читателем, но только после того, как уверюсь, что мы говорим на одном языке, и хотя бы базовые знания по охваченным темам у нас плюс-минус одинаковые. Я буду уверен в этом, говоря с человеком, который прочёл это полностью.

Есть серьёзная разница между мнением и знанием. Мнение – это та информация, которой конкретному человеку достаточно для его жизненных задач. Мнение всегда базируется на опыте, который этот человек приобрёл на своём пути к этому моменту. И далеко не всякие опыт и информация

достойны называться Знанием.

К знанию могут прийти все, я не сомневаюсь в этом. Достаточно лишь поиметь опыт, разнообразный, полный и достаточный, чтобы видеть картинку не просто шире, но и дальше и глубже. Не просто сами по себе сценарии развития событий, коих может быть сильно больше, чем один, но цены и последствия каждого из сценариев, их прошлое и будущее.

Это сильно больше, чем нужно для жизненных задач отдельного человека, поэтому Мнение существует в любой момент. Даже тогда, когда опыт ещё не настолько широк, чтобы называться Знанием.

Я бы сказал так: если вы знаете ответ на какой-то вопрос, и этот ответ однозначный, односложный, без уточняющих «если», допущений и развилок – поздравляю, вы имеете мнение, но не знание. И к науке это, кстати, тоже относится.

Хочу процитировать близкие мне слова из предисловия О. Хаксли к книге «Возвращение в дивный новый мир», с которыми, я надеюсь, и вы согласитесь: *«Краткость может убить правду. Каким бы ни было краткое высказывание, оно по своей сути не может охватить все факты, важные для оценки сложной ситуации. В таких случаях краткость достигается исключительно за счёт пропусков и упрощения. Пропуски и упрощение помогают нам ухватить суть, понять сказанное, но зачастую это понимание оказывается неверным, ибо оно основывается только на сформулированных автором идеях, а не на реальности во всей её ветвистой*

полноте, из которой автор произвольно выбрал важные, на его взгляд, положения.

Однако жизнь коротка, а поток информации бесконечен; ни один человек не способен охватить своим разумом все. В практической жизни мы оказываемся перед нелёгким выбором между неоправданно коротким изложением и полным неведением. Сокращение – неизбежное зло. Задача того, кто сокращает, – извлечь самое необходимое из полной информации, что, конечно, скверно, но все же лучше, чем ничего. Излагающий должен учиться упрощать, но не до степени фальсификации...»

Каждый живой человек имеет мнение о том, что такое жизнь. Каждый поступок, имеющий причину и следствие, формирует его мнение, что такое смысл. Переживая эмоции, каждый человек может рассуждать о счастье, внутреннем мире, целях, стремлениях и назначении.

И в этих рассуждениях он будет отталкиваться от мнения, а не от знания – от точки зрения, касающейся только его одного. Эта точка зрения – та самая краткость, убивающая правду.

Стремясь к этой краткости, все думают о том, что философия, счастье, душа, устройство и вообще внутренний мир человека – это очень сложные вещи, целые отдельные понятия, науки, области знаний и всякие другие страшные слова.

Из-за страха сложности и разбегающихся глаз неведение остаётся и процветает. И, как следствие, лишь мнение, а не

знание. И эти потёмки и незнание как раз и создают вокруг жизни человека и основных понятий такой ореол сложности. Метко об этом говорит индуизм: *«Тот, кто не знает себя, хочет найти тех, кто знает всё. Но люди вокруг также живут в невежестве, как и сам вопрошающий. Те, кто не знает даже себя, не смогут рассказать другому, кто он».*

Между тем на самом деле всё очень просто. Правда. Выход есть, просто он не интуитивен. Садхгуру приводил по поводу достижения целей такой пример: «Если вы хотите вырастить манго (у вас есть цель), вам не нужно думать о манго – вам нужно думать о почве, воде, сорняках и прочем другом, что ни по цвету, ни по форме, ни по сути не похоже на манго».

Как ни парадоксально, но к простоте и краткости ведёт только один путь, и он как раз в том, чтобы выслушать говорящего полностью.

Вопросы философии не являются сложными, я бы назвал их «бесконечными». Потому что до конца никто не доходит... И из-за этого вынужден возвращаться к ним снова и снова, уточняя и уточняя, и всё так же не доводя до конца всякий раз.

Дело в том, что мы говорим на одном языке, но не друг с другом.

Представьте себе: есть глава, которая рассказывает о формуле, например, обучения. Любой человек, если прочтёт её полностью, поймёт формулу. **Но.** В этой главе в начале и се-

редине используются такие слова и такие утверждения, на которые человек обязательно отреагирует. Эмоционально. Ярko и неистово, потому что эти утверждения касаются его убеждений, веры в то, как устроен мир, его точки зрения, опыта и других книг, которые он читал. Эмоции уведут его в сторону от чтения, отвлекая внимание от текста на мысленный спор, поиск, «выдёргивание» глазами из текста цепляющих слов, которые напоминают о каких-то аргументах, которые можно привести в ответ или трактовать по-своему.

Из-за того что название глав известно с самого начала, а у любого человека полная картинка мира и есть мнение обо всём и вся, человек, даже не дойдя до конца или исказив текст своим внутренним спором, будет абсолютно убеждён, что знает и понимает, что написано в главе.

Это замкнутый круг, разорвать который можно только одним способом – прочесть. Да, мы говорим на одном языке, но чем же тогда одна книга отличается от другой? Составом и порядком комбинации слов, и только. Именно в составе и порядке слов закодирован смысл книги, и чтобы увидеть этот смысл, нужно увидеть всю комбинацию целиком.

Выдёргивание отдельных слов – это не конструктивный спор по существу идеи книги, а какой-то бой читателя со своей же тенью. С тем же успехом можно было бы спорить с собой, читая толковый или энциклопедический словарь.

Все мы говорим на одном языке, одними и теми же словами. Но при этом мы разные.

Почему, когда мы смотрим какой-то фильм второй раз через много лет, мы видим его по-другому? Ведь вроде бы же те же самые слова слышим, что и в прошлый раз...

Почему супер-гуру в какой-то теме читает лекцию, а слушатели не становятся вдруг сразу такими же супер-гуру, как и он? Ведь он понятные слова говорит, известные.

Суть в том, что обучение через слова – это не просто передача слов. Это передача смыслов слов. А если быть точным, то в зависимости от самого учителя это могут быть либо «передача смыслов учителя, говорящего слова», либо «передача смыслов людей, слышащих слова».

Учитель транслирует не слова, а свой способ понимания этих слов. Его задача в том, чтобы показать, какая прибавка к смыслу жизни происходит у него самого, когда он, **вот таким способом понимая слова**, сопоставляет себя с каким-то знанием, и объяснить на своём примере, почему именно происходит эта прибавка.

Только так у учащихся получится слышать не просто слова (которые они и так уже знают), но и тоже как-то меняться – относиться к уже известным словам как-то по-новому, приобретать новый смысл.

Именно в этом задача книги, задача какой-то новой и уникальной комбинации слов, которую, чтобы увидеть этот смысл, важно и нужно видеть целиком.

Никакая книга сама по себе не содержит в себе информа-

ции и пользы. Информация появляется, как только появляется читатель, способный её прочесть, понять, применить к себе в своей дальнейшей жизни.

Книга соотносится с читателем, читатель – с книгой, и в результате появляется новое знание, новая польза и новый Смысл.

Смысл есть тогда, когда мы нужны тем, кто нужен нам. Люди интересны, если их понимают. Если не понимают, в них не видят смысла. Точно так же и во всём остальном, включая идеи ниже. Если кто-то не понимает какого-то явления, он не будет видеть в нём смысла. И не будет чувствовать интереса.

Цели книги:

- Осветить проблему неполного понимания человеком самого себя и окружающих. Показать, что проблема никуда не пропадает оттого, что человек в течение своей короткой жизни не успевает столкнуться с фатальными последствиями этой проблемы. Показать причины этой проблемы в излишнем уклоне в научность или, напротив, от неё.

- Описать метафизику человека и максимально доступно показать, как он устроен (эмоции, поведение, личность, ответственность, социальность, боль, творчество, обучение и мышление и т. п.) и откуда берётся на самом деле проблема понимания себя.

- Показать решение этой проблемы через осознанный образ жизни, преподнести осознанность как понятие, которое

можно и нужно изучать научно и осваивать системно. Более того, это знание я хочу показать практичным, используемым в обычной бытовой жизни обычными людьми. Понимание того, как устроен человек, не должно быть привилегией меньшинства.

Все цели – о знаниях. О будущих знаниях читателя.

Книга насквозь пропитана суждением – раз уж мы, люди, устроены вот так, значит, это вот правильно, это вот неправильно, это добро, а это зло. И несмотря на моё желание донести книгу до как можно большего числа читателей, я настоятельно призываю, читая эту книгу далее, воспринимать всё написанное исключительно в качестве предмета научного конструктивного диалога, обмена фактами и теориями, не имеющего целью ни чьё-либо унижение или оскорбление, ни любые радикальные, безнравственные и незаконные действия. А если так воспринимать по каким-либо причинам не получается – не читать.

Нет прикладных наук, есть только приложения науки. Я воспринимаю этот текст как интегральный источник нескольких сфер знания, который служит просвещению.

Ниже в книге читатель увидит несколько нападков на имеющиеся в сегодняшней культуре тренды, течения, верования и нормы, такие, как религии, глобализация, позитивное мышление, мораль, ценности и т. д. Да и вообще, в моём отношении к психологии парадигм модерна и постмодерна (то есть сегодняшних) легко угадывается восприятие их как

«науки» и практики штамповки, и это моё отношение, мягко говоря, отрицательное.

Во-первых, это моё личное мнение. Во-вторых, если в каких-либо словах и есть принижение какой-то точки зрения, то исключительно с одной целью: пробудить интерес к альтернативным точкам зрения, любопытство и желание конструктивно разобраться. Преклоняйтесь перед духом сомнения. Несчастливы те люди, которым всё ясно. Более того, основные выводы книги именно подчёркивают право каждого человека самостоятельно выбирать способ получения своего счастья, а значит, я в том числе обосновываю и оправдываю и наличие этих самых альтернативных мнений – разбирая по полочкам нейро- и психически обусловленные предпосылки их появления и закрепления в культуре в качестве глобальных идей.

В-третьих, я подчёркиваю в книге индивидуальность развития каждого отдельного человека, и, с одной стороны, осуждаю стандартизацию и унификацию людей по каким-либо критериям (раса, пол, возраст, достижения, уровень жизни и т. п.), поскольку любые такие классификации являются вырванными из контекста цифрами, противоречащими статистическому распределению характеристик в популяции, но с другой стороны, сам же ввожу новую классификацию, отражающую уровень осознанности человека, которая, на мой взгляд, в высшей мере практична для человечества, в отличие от всех остальных. Эта классификация не против-

речит ни вере, ни ценностям, ни каким-либо ещё убеждениям читателя, поскольку отражает не действия, взгляды, взаимодействие с другими людьми или убеждения человека, а его ответственность за своё собственное будущее и будущее человечества. А какими конкретно методами человек будет реализовывать свою ответственность, что тут верно, а что плохо – заранее ни вы, ни я не предскажем. На пути человечества будут как такие случаи, когда миллион жизней важнее, чем одна, так и случаи, когда наоборот.

Наконец, в-четвёртых, после прочтения книги до главы про сознание и уровни осознанности у читателя будет достаточно логических обоснований, чтобы понять представляемую мной картину, в которой эти самые «тренды, ценности, религии, глобализация и позитивное мышление» отражают уровни понимания системы, на которых смысл определяется благосостоянием, здоровьем, правилами, статусами и группами, признаками власти и также их значением для текущей жизни, а это всего лишь второй-третий уровень осознанности. В то время как смысл, который я вкладываю и в критику и нападки, и вообще в книгу, я постарался сформулировать на уровень выше. На том уровне, на котором ценности не принимаются, а выбираются – ради определённого смысла.

Приведу ещё одну цитату, на сей раз из статьи Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить», подчеркнув важный для пунктов выше момент:

«5. Возражения, исходящие из того, что машина не всё»

может выполнить.

Обычно эти возражения выражают в такой форме: „Я согласен с тем, что вы можете заставить машины делать все, о чем вы упоминали, но вам никогда не удастся заставить их делать X“. При этом перечисляют довольно длинный список значений этого X. Я предлагаю читателю выбирать: „Быть добрым, находчивым, красивым, дружелюбным, быть инициативным, обладать чувством юмора, отличать правильное от неправильного, совершать ошибки, влюбляться, получать удовольствие от клубники со сливками, заставить кого-нибудь полюбить себя, извлекать уроки из своего опыта, правильно употреблять слова, думать о себе, обладать таким же разнообразием в поведении, каким обладает человек, создавать нечто подлинно новое“.

Обычно в подтверждение подобных высказываний не приводят никаких доводов. Я убеждён, что эти высказывания основываются главным образом на принципе неполной индукции. **Человек в течение своей жизни видел тысячи машин. Из того, что он видел, он делает ряд общих заключений. Машины безобразны, каждая из них создана для того, чтобы выполнять весьма ограниченные задачи, если необходимо сделать нечто иное, они бесполезны, вариации их поведения крайне незначительны и т. д. и т. п. Естественно, человек делает вывод, что всё это является необходимыми особенностями всех машин в целом. Многие из этих ограничений связаны с очень маленькой ём-**

костью памяти большинства машин. Несколько лет назад, когда очень немногие знали о цифровых вычислительных машинах, часто приходилось встречаться с недоверчивым отношением к тому, что о них рассказывали, если об их замечательных свойствах говорили, не объясняя, как такие машины устроены. Это, вероятно, происходило из-за того, что слушавшие шаблонно применяли принцип неполной индукции. Разумеется, применение этого принципа происходило в основном бессознательно. Если ребёнок, обжжёвшись один раз, боится огня и выражает страх перед огнём тем, что избегает его, то я бы сказал, что он применяет неполную индукцию (само собой разумеется, поведение ребёнка можно описать и по-другому). Я не думаю, чтобы трудовая деятельность и обычаи человечества были особенно удачным материалом для применения неполной индукции. Большую часть пространственно-временного континуума необходимо пытливно исследовать, если мы хотим получить надёжные результаты. В противном случае мы можем прийти, скажем, к выводу (к которому приходит большинство английских детей), что все говорят по-английски и что глупо изучать французский язык».

В своём ответе Тьюринг обращает внимание на неполную индукцию, на излишнее обобщение, не базирующееся на полноте фактов и широте охвата. Тьюринг на простейших жизненных примерах показывает несостоятельность мирского жизненного опыта и слишком узкого кругозора обви-

нителей, чтобы делать обобщающие выводы.

Приведу ещё один пример о краткости, убивающей правду, только в других масштабах. Мы все знаем миф о Сизифе, вынужденном катить в гору камень и обречённом на то, чтобы, достигнув вершины, начинать свой труд заново (по другой трактовке: катить дальше и выше). Но с чего вдруг мы решили, что этот миф о тщетности?!

Боги наказали Сизифа, и мы видим это наказание. Мы видим труд Сизифа здесь и сейчас – конкретные Икс восхождений и Икс возобновлений работы. И если мы говорим здесь о вечности, ошибочность этого утверждения сравнима с заблуждением астрологов, видящих небосвод с его созвездиями вечным и предсказуемым. Уровень охвата и точности примерно тот же. Или вернее было бы сказать – уровень краткости выборки. Созвездия, которые мы сейчас наблюдаем с Земли, будут выглядеть совершенно по-другому уже через десяток тысяч лет, а через миллионы или даже миллиарды лет небо будет вообще не узнать. Куда уж тут говорить о вечности?!

Точно так же и с Сизифом – боги наказали, но они же могут и помиловать. Наблюдая лишь выборку из нескольких подъёмов-падений, мы верим, что это и есть итог, максимум и полная картинка, сравнивая эти несколько попыток со своими неизбежно конечными жизнями. Мы видим ограниченное во времени действие, в тех рамках и с той точки зрения, где изменений и правда не происходит. Так же, как и в со-

звездях, в течение жизни отдельно взятого звездочёта или даже десяти поколений его последователей не будет никаких серьёзных изменений. Но с чего мы взяли, что это вся система и что она замкнута?

Может быть, Зевс, понаблюдав за этим циклом 100500 лет, изменит своё решение? А каждый камень на самом деле – не повторение того же, а отдельная, независимая и уникальная капля в чашу терпения?

Только вот мы со своей краткостью этого не узнаем. А если и можем рассчитать что-то подобное (например, в теории хаоса есть похожие рассуждения), вряд ли конкретный человек найдёт в этом знании практичную пользу для себя, кроме уверенности в знании истины.

Да, с одной стороны, вероятно, и у меня самого фактов недостаточно, чтобы утверждать обобщения и замахиваться на рассуждения об истинном знании, метафизике и этике, но, с другой стороны, у большей части публики недостаточно фактов даже для того, чтобы отрицать выводы книги – сама по себе книга как раз и призвана интегрировать в себе эти факты и выводы в единое цельное знание, дать это знание читателю и пробудить в нём интерес к дальнейшему изучению темы. Выводы в достаточной степени абстрактны, чтобы выдержать критику в неполноте или предвзятости, основанную лишь на мнениях, а не на пытливых исследованиях и фактах. Если мои выводы неверны, я хотел бы это узнать. Впрочем, я жду не споров, а взаимного развития.

Покажу на таком примере. Что читатель знает о математике?

Знаете ли вы формулу вычисления площади квадрата? Там всего две переменные и пара операций.

Знаете ли вы формулу вычисления гипотенузы, зная длины катетов? Три переменные и пяток операций. Это просто. А можете ли вы сейчас, не подглядывая и не отвлекаясь, из этих двух единиц знаний построить третью – доказать вторую формулу, используя первую?

Какое количество операций в этом доказательстве? Какая логика? Какие ещё знания нужны, чтобы связать две единицы знания воедино? Оказывается, их не две, а больше. И они составляют единое целое с этими двумя формулами. И вообще, мы выделяем формулы в этом общем знании, всего лишь имея целью решить конкретную задачу. В этом смысл формулировки формулы – это способ применить общее знание математики к решению конкретной задачи. Получается, обладая знанием формул, вовсе необязательно обладать самим знанием. Если у меня есть формулы на каждую задачу, я могу ничего и не знать...

В этом примере формулы и конкретные задачи – это то, что мы каждый день держим в голове. Логика рассуждений доказательства – это знание о концепции. А сама концепция – где-то за гранью, ведь вся полная и цельная картинка математики всё ещё изучается и строится.

Удерживать в голове не то чтобы концепцию, а хотя бы даже

знание о концепции, невероятно сложно. Столько переменных, столько связей... Настолько сложно, что подавляющее большинство довольствуется решением проблем при помощи готовых формул, даже не подозревая, откуда проблемы берутся, какую систему составляют и какую систему составляют их решения. А какая-то часть людей даже и о системах не подозревает, считая формулы единственным объективным знанием, какое только возможно.

Что читатель знает о жизни?

Например, что вы думаете и делаете, говоря об осознанности? Возьмём всего лишь одно это слово, лишь одну характеристику жизни, чтобы подчеркнуть масштаб.

Кто-то будет говорить о духовности, кто-то о причинно-следственных связях в своём взаимодействии с окружающим, кто-то – об ощущениях времени и своей роли в сущем и так далее. Не формулы ли это?! Не решение ли конкретных жизненных задач конкретных личностей?!

И ведь каждый из людей, рассуждающих об осознанности в каком-то своём ключе, держит в голове максимум переменных и логики, доступных человеку. С какой стороны мы бы ни подошли к Осознанности, это будет целая наука с кучей нюансов и деталей.

Если каждое такое понимание одной и той же Осознанности – это всего лишь формулировки формул, а то есть способ применить общее знание Человека к решению конкретной задачи по аналогии с математикой, то что же тут будет кон-

цепцией? Какого масштаба всё цельное знание о концепции и сама она?..

Очевидно, такое в голове не удержать.

Ниже я пишу о том, что не получится удержать в голове ни одному человеку, об этой самой концепции. Я постепенно разберу всё то, что узнал к текущему моменту о составляющих формулы Человека, перечислив эти стороны, описывая формулы каждой отдельной такой стороны, описывая связи между формулами, как будто бы это является единой сложной системой.

Как ни крути, каждый живущий человек (пока дело не дошло до трансгуманизма) ограничен в своих мыслительных способностях, по крайней мере, в двух аспектах: В объёме информации, который он здесь и сейчас держит в сознании, и это ограничение связано с потребностями и ситуацией.

И в «направленности» или, иначе говоря, объективности этой информации. Каждую главу книги можно воспринимать как руководство по решению конкретной жизненной задачи, как отдельную формулу. И всё же я надеюсь, что читатель сложит из отдельных кусочков цельную картинку и продолжит вместе со мной, дополняя, исправляя меня, находя новые стороны.

Ни один из нас не сможет удержать в голове всю концепцию, но вместе, я верю, мы сможем описать её всю.

Именно поэтому я не спорю ишу, а соратников.

Психология изначально занималась именно теми процес-

сами, которые наблюдаются с физическим телом. Рассматривая человека как животное, как смесь рефлексов, психология ставит своей целью «возвращение в норму» (то есть понятие нормы и ненормы, исследование путей ухода и возврата, причин, инструментов, последствий, ограничений и т. п.). Я вижу три направления современной психологии: материалистичные (как описано выше), промежуточные (Фрейд, допускает что-то сверх и помимо материи) и близкие к религии (Юнг и его последователи говорят о том, что точно есть что-то, кроме материи).

Современный материалистичный психолог выполняет функцию рационализатора поведения и выбора. В условиях индивидуализма, достатка и потребления у человека большинство психических проблем связано именно с задачей, а что именно потребить сейчас. А что важнее – солярий или кофе? По сути, психологи не дают никаких ответов, они всего лишь дают обратившимся к ним веру в собственную значимость – поддерживают парадигму индивидуалистичности, теми или иными методами визируя способность человека осуществлять выбор между солярием и кофе и тем самым подтверждая его статус в современном обществе.

Я ищу соратников в расширении понятия «психологии» до охвата «человека полного» – как он есть на самом деле, то есть не только с позиции рационального поведения и выбора, а ближе к философскому пониманию – с пониманием и участием в смысле человека. Если в нашей ежедневной жизни у

психологов будет понимание, как устроен человек на самом деле, то и цели и суть психологии тоже изменятся: и проблематика, и вопросы, и методы, и понятийный аппарат.

Если же эти знания будут у учителей, воспитывающих поколения, то большинства современных проблем мы сможем избежать вовсе.

В этой книге немало утверждений, представляющих суть, возможности и способности человека в непривычном для большинства людей свете. Непривычных именно по той причине, что большинство росло на других знаниях, применяло их в жизни и неплохо выжило. Неплохо, а не хорошо. Например, я показываю мышление и творчество как закономерные и упорядоченные процессы по реакции организма на среду, а волю представляю не как уникальное свойство психики человека, а всего лишь как результат сравнительной оценки, опять же, механистичный и предсказуемый.

Эта книга пропитана детерминизмом, однако при этом смысл книги как раз в том, чтобы показать возможности человека в условиях детерминизма и привести его к осознанности, а значит, и осознанию своей воли.

Доказывая и обосновывая такое явление, как Судьба, я пытаюсь показать технологию устройства мира и удержать читателя от ошибки эгоцентризма. Я искренне порадуюсь, если каждый читатель после прочтения книги хотя бы раз или два в течение своей жизни задумается о себе словами «да, я не главный, да, я всего лишь часть единой глобаль-

ной системы, биоробот, выполняющий определённую функцию, как одна из клеточек большого организма». Причём задумывается не в форме какой-то умозрительной конструкции, а именно с позиции практического смысла своей жизни, с позиции встраивания в эту систему. Не обижаясь на судьбу за свою механистичность, а радуясь тому, какой большой смысл эта предопределённость создаёт.

В устранении эгоцентризма я вижу путь к изменению парадигмы научного знания и вообще построения человечества. В этом случае у человечества в целом и каждой личности в нём появляются возможность расценивать действительность и каждое составляющее её явление или объект (включая другие личности) с точки зрения их смысла и цели существования, а не с позиции оценки похожести и применимости для себя и без ограниченности нашими органами чувств. А это обеспечивает шансы на высокое развитие.

И, честно говоря, я вижу лишь один способ устранить эгоцентризм на корню, и это небыстрый процесс, главная роль тут у учителей. Да-да, не в текущем поколении и не вдруг здесь и сейчас.

Именно учителя определяют следующее поколение, а вместе с ним – и степень революционности этого поколения в потоке человечества. Первая глобальная научная революция в XVII веке произошла с появлением научного языка. Вместо рассуждений на бытовом языке при помощи языка логики был придуман язык формул и связей. Это позволи-

ло сделать большой рывок в точности и массовости: наука смогла впервые не оглядываться на веру, привычные бытовые смыслы и бытовой язык, которые могли трактоваться каждым отдельным человеком по-своему.

То же самое нужно проделать ещё раз, приняв новый тип рациональности – что считать правильным исследованием, что порицать. И с точки зрения этики, и с точки зрения значимости, и по важности, и по ценности. Вероятно, описанный ниже Осознанный образ жизни, будучи массово внедрённым в культуру, составляющую «заказчиков науки», изменит сам взгляд на науку как таковую.

Какими вопросами задаётся научный человек? На основании чего мы решаем, что его деятельность – научна? Всего лишь исходя из формальных принципов научности? А достаточно ли этого?

Вероятно, стоит разделить то, что сейчас зовётся наукой, на две ветви:

1. Есть исследования, проведённые с гедоническим и частным смыслом.
2. Есть исследования с общей целью, общим смыслом.

То есть как бы внести в список критериев научности этот порог уровня осознанности.

Это позволит выделить в науке людей, которые просто используют систему и правила и сам по себе статус «научности» для личного выигрыша, отделить эти исследования от тех, которые создают объективное общее благо.

В разные годы был разный подход к тому, что считать рациональным и какие исследования считать ценными и правильными, а какие отрицать и считать ненаучными. Выделяется классическая (XVI–XIX века), неклассическая и постнеклассическая рациональность.

В классической рациональности честное и внимательное наблюдение и описание считается залогом истины. Влияние личности, окружения, социума и возможности альтернативного описания исследуемого явления попросту отрицаются. Истина = положение вещей.

В неклассическом типе есть понимание, что средства наблюдения влияют на трактовку, а то и сам объект исследования. Истиной считается знание, полученное при соблюдении определённых правил и процедур (принципов научности) и имеющее определённое практическое значение [для кого-то].

При постнеклассической рациональности, которую мы наблюдаем сегодня, наука перестаёт быть элитарной. Начинают учитываться социальный заказ, личность исследователя, а исследования приобретают капиталистические черты, стремясь к тем областям, которые в большей мере влияют на статус исследователя в ту или иную сторону.

На мой же взгляд, приоритетом науки и следующих за ней учителей для новых поколений должна стать другая рациональность.

Рациональность исследований должна определяться сте-

пенью развития и многообразия Знания и смыслом этого знания для Человечества. Социальный заказ, конечно, важен, но он не должен ограничивать или даже устранять другие направления. Более того, сам по себе социальный заказ должен точно так же, как и исследования, классифицироваться на частный и общий смысл.

Обо всём этом в том числе мы и поговорим ниже. Какой путь предстоит пройти читателю?

Первые главы книги посвящены описанию логических составляющих частей системы. Эти части покажутся знакомыми людям, погружённым в нейронауки, психологию и кибернетику, и в этом нет ничего удивительного, ведь они составляют функциональную систему (П. К. Анохин) и более общую модель Т.О.Т.Е. (Дж. Миллер, Е. Галантер и К. Прибрам).

То, что я называю их по-другому, связано с двумя причинами. Во-первых, я шёл к теории с другой стороны, со стороны «Зачем?» и «Почему?», а не со стороны «Как?», и благодаря этому большая часть понятий схемы взята из обычного языка, используемого в быту не психологами и не кибернетиками. И этот язык лучше всего подходит для людей, далёких от психологии и кибернетики.

Во-вторых, насколько я вижу, я рассматриваю более крупную систему, частью которой является функциональная система, описанная в модели Т.О.Т.Е., и для этого описания требуется переопределение части понятий или, по крайней

мере, описание их с нуля, в своей собственной системе координат и знания.

В центральных главах книги показана динамика основных процессов, составляющих мыслительный и поведенческий акт, а также подчеркнуты связи между ними и логические противоречия этих связей, свидетельствующие о наличии в схеме дополнительных элементов. Эти главы написаны про человека и его поведение, однако эту логику можно применить и кТ.О.Т.Е. в общем.

Последние главы книги посвящены обобщению описанных выше элементов схемы для ответа на вопросы «Зачем и Почему?», к схеме функциональной системы добавлены дополнительные ограничения (главы про осознанность) и стимулы (частное достигаемое) для получения более общей схемы (генетический алгоритм). Параллельно я стараюсь раскрыть их природу, чтобы далее можно было более точно сосредоточиться на них с философской и экспериментальной точек зрения.

По ходу книги и на последних страницах я отмечаю конкретных исследователей и мыслителей, чьи идеи упоминаются в тексте либо стали основой для моих умозаключений. Большая часть книги при этом написана не научным языком, а в форме как раз умозаключений, рассуждений и логического анализа. Моей целью является максимальная популяризация этих знаний и идей, и я надеюсь, что такой стиль изложения будет как в достаточной мере понятен не имею-

щему психологического образования читателю, так и в нужной степени конкретизирован и обоснован, чтобы задать направление научным людям для расширения круга гипотез.

Глядя на книгу в целом, я вижу, что в ней есть ответы для самых разных людей. И для тех, кто интересуется своим поведением и его причинами, и для тех, кто хочет изменить жизнь, и для людей, изучающих философию и психологию личности. Я же сам вижу общий смысл этого текста в ответе на «Трудную проблему сознания» (см. Д. Чалмерс), то есть в описании такой теории мышления и сознания, которая бы в должной мере обоснованно и подробно отвечала бы на вопросы: «Почему оно есть, это сознание? Почему мы обретаем индивидуальный опыт? Почему физическая переработка полученной информации вообще даёт начало богатой внутренней жизни? И что же это за внутренняя жизнь такая?».

Не буду здесь во вступлении раскрывать карты и рассказывать о выводах. И не из жадности, а рационально. Ответ на этот вопрос требует определённого уровня Знания об устройстве и работы этой системы, и эти знания даются и раскладываются по нужным местам мозаики в первых главах. И только когда кусочки мозаики лягут на свои места, только когда вся картинка видна полностью и одновременно, имеет смысл говорить о выводах. Картинка состоит из очень большого числа кусочков, а дьявол в деталях, поэтому ради полноты картины без определённой сухости текста не обойтись. Потерпите, пожалуйста, и отнеситесь с вниманием

к каждой главе.

Более того, выводы об осознанности, счастье и успехе жизни, сделанные мной в конце книги, может быть, и кажутся очевидными на первый взгляд, но они не были бы возможны, не стань очевидным ответ на «Трудную проблему», когда все составляющие разложены по местам. А самое главное – слова, употребляемые нами в быту, приобрели с новым Знанием новое значение. Именно это новое значение слов позволит посмотреть на очевидное определение по-новому. Дело в том, что каждый из нас вполне себе успешно может описать, что такое Человек, и при этом я уверен, что любой читатель этой книги (да-да, включая меня самого) откроет для себя после прочтения что-то новое.

Цельная картинка творит чудеса.

2. Формат подачи

«Когда двое говорят одно и то же, это далеко не одно и то же»

Теренций

Я верю, что время – самое ценное, что у нас есть, поэтому, уважая и ваше, и своё время, сознательно выбираю максимально сжатый, менторский стиль изложения, утверждающий идеи как данность. И привожу примеры для демонстрации логики лишь для части этих утверждений – с целью сокращения объёма книги. Абстрактные и простые примеры.

Чтобы проиллюстрировать суть, а не вдаваться в детали, которые в этих конкретных случаях влияют на ситуацию незначительно. Объём текста связан с многократным рассмотрением идей с разных сторон для полноты картинки и знания.

Позволь я себе роскошь такого тона в художественной литературе, к которой люди обращаются за развлечением, я буду обруган сэнсэями писательского мастерства: «Негоже, мол, вот так людей грузить, а многоуважаемые читатели должны сами прийти к мысли», – скажут они. А если уж идёшь этим путём, то напиши теорию между строк. Неявно. В ооочень доступном и оооочень интересном сюжете, развитие которого будет отражать суть. Который на живых примерах покажет людям **идею** и её победу над всеми остальными концепциями.

И будут правы. Отчасти. Правы в том, что касается формата – не давать людям готовых формул, а рассказывать историю, показывать живой пример применения знания на практике. Как это сделано в религиозных текстах, к слову. Это действительно самый верный способ поделиться знанием о практике. Без гарантии, что пример будет воспринят правильно и выводы будут совпадать с посылом, но зато есть наглядная опора на факты, то есть не потратим время на споры и есть гарантия того, что практика будет исполняться неукоснительно.

Правда, возникает такая проблема, что даже приточном и правильном выполнении практики идею понимать вовсе не

обязательно. Не убий – почему? Может кто-то ответить, кроме философов, хотя бы что-то более осознанное, чем «ну нельзя же»? Идея, ради которой в большинстве случаев срабатывает какая-то инструкция, этой инструкцией не передаётся. Идею как раз нужно описывать формально и логично.

Но проблема ведь не только в формате, она ещё и в объёме. Сухое описание теории за вычетом примеров заняло бы несколько десятков страниц. Художественное произведение, в котором с гармонией между полноценностью и доступностью это описание уместится между строк, должно быть, по меньшей мере, в двадцать-тридцать раз больше.

Писать такое для придания веса?

И потерять за этими доказательствами нить и суть?

Эта книга – не развлечение.

Она призвана экономить время в самом широком смысле этой фразы – экономить время человечества в своём развитии.

И в ней нет места историям и рюшечкам ради радости приятного чтения, а идея подчас формулируется декларативно – подтверждение всем последующим главам и выводам каждый может найти в достатке, всего лишь остановившись, оглянувшись вокруг и задав пару правильных вопросов. Ну или посмотрев на себя. Может найти. Если будет знать, что искать. Если хотя бы будет признавать наличие проблемы.

Порой решение проблемы куда как болезненнее её самой, поэтому, предупреждая заранее известную реакцию тонкой

душевной организации читателя, отмечу, что книга полна вызовов. Вопросы и ответы, которые я поднимаю и даю, претендуют на истину, а не на очевидность и сохранение зоны комфорта. Жить во лжи тоже можно, и это зачастую приятнее. Поэтому если вы с чем-то не согласны, поступайте, как считаете нужным. Не мне вас учить.

Если не разбирать материалы по кусочкам, а посмотреть на всю созданную ими картину в целом, можно увидеть и осмыслить вызов самой этой книги – каждый по мере прочтения столкнётся с двумя вопросами: «Зачем?» и «Почему я?» И именно на эти вопросы я постараюсь ответить здесь и сразу, во вступлении, формируя правильные ожидания.

И в обществе, и в культуре существует неправильное понимание и заблуждение. Все считают эмоции чем-то возвышенным, а расчётливость – низкой.

На самом деле эмоции – это автоматика (древний мозг), а мышление (кора полушарий) как раз представляет собой точные расчёты, гарантии и правильные ответы на вопросы.

По порядку.

Идея – это система, и её можно осознать, только увидев полностью. Прочитав одну главу, половину, треть или четверть книги, вы, не сомневаюсь, откроете для себя много нового, но цельной картинке так и не увидите. Даже если сразу перелистнуть к последним страницам с выводами. Не получите идеи. Не сможете покрутить её в голове так да эдак,

рассмотреть со всех сторон, взвесить за и против.

В то время как свою текущую жизнь вы видите цельно, знаете её плюсы и минусы, и, самое главное, даже не отдавая себе отчёта в этом, воспринимаете её, как гармоничную сбалансированную парадигму.

А ведь для выбора нужно знать, между чем выбираешь. Собственно, только тогда сам по себе выбор и существует...

Прочтёте вы, например, только главу про формулу доверия. Узнаете её, проникнетесь, но не будете использовать в жизни даже на треть её потенциала. Она не будет работать без понимания того, как устроено мышление и группы, без понимания боли и осознанности. И точно так же и с обучением, и с любовью, и даже с той же осознанностью.

Почему?

Я опишу **идею** в виде системы, где каждый отдельный кирпичик поддерживает другой. Это и ценности (отношение к себе, людям, морали, традициям), и вера (душа, реинкарнация, Вселенная и Его Величество), и наше предназначение, достигаемое инстинктивно, и социальная иерархия, основанная на этих инстинктах, и понимание истории развития культур и религий, и социальные группы, формирование языка и поведенческие механизмы (доверие, чувства, колебания, уважение и прочее), и язык вербальный и невербальный, – всё это система, охватывающая всё, от самых абстрактных понятий и веры до конкретного мельчайшего поступка в любой момент времени, будь то сказанное в суете

случайное слово или реакция на признание в любви. Эта система – альтернатива тому, что принято вокруг. Альтернатива не просто в поведении, она в мышлении. В восприятии друг друга и мира. В реакциях на окружающее.

Видение какой-то идеи в качестве системы искажает слова, которыми мы её описываем. Вполне возможно, что описание формально не изменится, останутся те же слова в том же порядке. Однако значение, которое вы вкладываете в эти слова, будет уже другим.

Поиски смысла всегда ограничены смыслами ищущего.

Куда мы обращаемся, задавая вопрос о смысле жизни? К своему мозгу. Как мы понимаем данный ответ? Сознанием. Ограниченным.

В каком виде мы получаем ответ? В форме слов и образов конкретного человека. Имеющего конкретную историю. Смотрящего на мир из одной конкретной точки. В форме слов и образов, составляющих реальность сознания, то есть направленных на реализацию потребностей этого самого человека. Все остальные смыслы ускользают, потому что мозгу не то что сами они, но даже об их существовании неизвестно.

И почему же отдельные кусочки **идеи** не работают?

Формула доверия помогает строить отношения, в которых самый быстрый путь к ощущению счастья. Но эта формула касается лишь отношений двух людей, а каждый из нас взаимодействует с целой толпой. На уровне пары – работает.

А вот в толпе – другие механизмы. Тут нужно понимать, как устроена группа, и строить доверие не к человеку, а к группе. Это непривычно.

И если остаться при прежних ценностях и вере везде, кроме самой пары, если со всеми остальными остаться в тех же отношениях, что и были, то рано или поздно и пара распадётся, вернувшись к привычному образу взаимодействия. Под давлением всех тех обязательств и требований, которые за рамками пары связаны со счастьем.

Уж если парадигму и менять, то сразу всю.

А для этого **идея** должна иметь облик и полноту полноценного мира – чтобы хотя бы иметь возможность сравниваться с текущей жизнью. Чтобы воспринимать мои слова не как афоризм, работающий, но узко специализированный, а увидеть именно новый дивный мир, многогранный, полный, цельный. Увидеть разницу между жизнью текущей и жизнью целевой. Представлять себе в деталях, как правильно понимать происходящее, что думать, что делать и зачем вообще всё это. И в этом сравнении и кроется ответ на вопрос «Зачем?» – затем, чтобы вызвать отклик в душе: ту самую боль, которая даст возможность для обучения. Обучения чему именно, расскажу позже, если позволите.

Этот самый отклик – личное дело каждого, это его вера в то, что эти изменения нужны, его ответственность, зависящая на 100 % от уровня его знаний. Причём вера без оглядки на остальных, ведь это самое «зачем» касается и его са-

мого (как человека), и всего человечества. Ответственность каждого человека перед собой и миром, которую чувствуют все, но никто словами обозвать не может. Или, по крайней мере, не мог до сих пор.

Моя жизнь, посвящённая этой книге, – мой собственный ответ на вопрос «Почему Я?».

Как и многие, я хочу изменить мир к лучшему. И у меня был достаточно редкий жизненный путь. Настолько редкий, что можно было посмотреть на мир как бы со стороны. И увидеть решение. Настолько редкий, что было бы очень эгоистично пользоваться этим решением самолично и ни с кем не поделиться.

Однако в этом стремлении делиться есть сложность, губящая альтруизм на корню. Сложность в том, что ошибочность, которую я хочу изменить, – системная, она пронизывает все сферы жизни и затрагивает каждого человека. В суждениях по одной теме человек опирается на веру в правоту по другой теме. Которая, в свою очередь, «кормится» уверенностью в постулатах первой идеи.

Более того, оценка самих себя по каждой из сфер жизни происходит не самостоятельно, а в сравнении с окружающими. Как же сложно сделать первый шаг, когда толпа вокруг стоит, не шелохнувшись!

В этом первом шаге ответ на вопрос «Почему Я?» каждого прочитавшего.

Ниже мы поговорим о человеке, в широком смысле этого

слова – как о системе из взаимосвязанных факторов, чтобы вы смогли увидеть себя, людей вокруг и всех нас в общем как бы со стороны. Надеюсь, это поможет изменить чьи-то жизни к лучшему. Не факт, что ваши, но может быть, кого-то из вашего окружения.

И это не развлечение. Это новая вера. Вера в лучшее человечество.

Предупредить, с моей стороны, нравственно. Неважно, готов или не готов некий читатель меняться – после прочтения будет поздно. Кто прочтёт, поймёт, почему.

Именно поэтому книга такая, какая есть. Маленькая, сухая, сложная.

Её смысл не в том, чтобы стать массовой. Она нужна для сохранения знания. Она нужна, как инструмент для конкретной задачи. Идеи должны стать массовыми, да. Но это не тот формат, который нужно прочесть всем. Это формат для тех людей, которые как раз и станут учителями остального человечества.

подавляющая часть материалов книги предназначена для подготовленного читателя. Материалы отличаются по степени обобщения понятий и абстракции от конкретных судеб и жизненных ситуаций до метафизики и абстрактной схематичной логики каких-то процессов, и в книге вы можете увидеть послания совершенно разного уровня:

1. Быт. Жизнь. Конкретные примеры о конкретных людях в конкретных жизненных ситуациях, демонстрирующие их

восприятие, мысли и логику их мышления, мотивы выбора, стремления и направление жизней.

2. Бытовая мудрость. Обобщённые примеры, показывающие, что из поколения в поколение существуют схожие модели мышления и поведения. Какими бы уникальными ни считали себя конкретные люди выбранного поколения в конкретных ситуациях. Этакая бытовая интерпретация необобщённых и несистематизированных знаний и опыта в части поведенческой и когнитивной психологии.

3. Поведенческая психология. Описание паттернов поведения – устоявшихся пар стимул-реакция, принятых в определённых циклических жизненных ситуациях, и, собственно, пересмотр подхода «стимул-реакция». Поскольку книга большей частью ориентирована на западный мир и культуры, большая часть примеров на этом уровне относится именно к моделям поведения европеоидной культуры. Это лишь примеры.

4. Когнитивная психология. Описание моделей мышления, феноменов восприятия, закономерностей обработки информации и принятия решений. Опять же, в примерах уклон в западную культуру.

5. Культурология, паттерны убеждений и верований, модели поведения, на примере европейской и восточной культур (обобщённо) и выдержек из религиозных и других учений. Рассуждения, показывающие, что, поднявшись над всем человечеством, мы увидим, что мудрость веков, а также

поведенческие и когнитивные функции от культуры к культуре меняются и преобразуются. И лишь некоторые закономерности устойчивы и стабильны для всех Homo Sapiens. Причём, что примечательно, большая часть законов на уровне бытовой мудрости как раз не относится к числу стабильных. Напротив, устойчивые закономерности, как правило, неизвестны общественности.

6. Физиология, этология, психогенетика. Потребности, инстинкты, их неосознанное выражение в поведении. Конкретные факты наличия чёткой зависимости между когнитивной и поведенческой психологией, с одной стороны, и культурными и адаптивными характеристиками, а также уникальными особенностями рождения и физического развития любого выбранного для примера человека, с другой стороны.

7. Логика и математика. Теория игр. Теория хаоса. Теории толпы. Психиатрия. Квантовая теория. Описание закономерностей, которые становятся очевидны только при достаточном уровне знаний не только об устройстве человека, но и статистические – об устройстве толпы.

8. Биохимия. Единство механизма. Физический уровень процессов. Сложные для воспринимающих себя венцами природы людей примеры того, что биология, физика, химия и квантовая механика – суть об одном и том же. Примеры сложные от непривычки – от недостатка в быту примеров подобного восприятия.

9. Нейрофилософия и метафизика человека. Закономерности, проходящие сквозь все уровни.

Если тексты первых двух уровней будут понятны и доступны любому читателю, более или менее знакомому с жизнью на собственном опыте или афоризмах, то с каждым следующим уровнем потребуется всё большее и большее владение узкоспециализированными знаниями. А последние два уровня требуют знаний во всех вышестоящих областях и отличаются лишь уровнем абстракции. Именно в этом причина объёма книги: несколько десятков страниц идеи необходимо подать такими словами, в такой комбинации и последовательности, чтобы их понимание у всех было хотя бы приближённо одинаковым, а значит, по ходу текста необходимо утвердить общий для нас смысл слов.

Мы говорим на одном языке, но слабо понимаем друг друга. Потому что в одни и те же слова вкладываем разный смысл. Не диаметрально противоположный и не из разных областей, но достаточно разный в деталях, чтобы видеть в итоговых понятиях разный смысл. Большая часть текста этой книги призвана с разных сторон подойти к десятку понятий, связанных одной нитью. Эти понятия, я не сомневаюсь, известны любому читателю, и именно в этом загвоздка – в том значении и с теми смыслами, какие сейчас есть, нить этих понятий, как единое цельное знание, выглядит совсем не так, как я хочу показать. Общий смысл единого интеллектуального объекта, образуемого этими известными всем словами,

получается другой.

Дело в том, что каждый из нас, воспитываясь в определённой среде, привыкает к определённому значению слов. Слова – это не факты. По сути, слова – это условные обозначения, применяемые человеком для выделения какой-то части реальности в какую-то отдельную сущность, имеющую свои границы и смысл. Не просто так львиная доля космогонических мифов начинается со Слова, за которым следует разделение на какие-то составляющие. Словом, мы в своём мышлении делаем именно это – определяем границы в градиенте какого-то признака в реальности.

Например, говоря слово «яблоко», мы, фактически, имеем в виду не только и не столько само по себе физическое яблоко, сколько ментальную конструкцию, показывающую: вот это – яблоко, а вот это – уже не яблоко. Границы определяют не физические границы, а границы смыслов. Привычный смысл яблока отражает философское понятие Квалиа: мы видим, как яблоко растёт, мы знаем, что яблоки бывают разных сортов, формы, цветов и размеров, мы можем съесть яблоко, и это будет иметь такой-то и такой-то ценный эффект для наших тел, мы знаем, какого вкуса бывают яблоки и при всём их многообразии однозначно определяем, что яблоко, а что нет. И так далее. Граница яблока проходит там, где заканчивается смысл яблока. То есть живущий в яблоке червь, при всём том, что он, несомненно, физически совмещён с яблоком и находится в тех же рамках и физических

координатах, что и яблоко, к слову «яблоко» отношения не имеет.

Яблоко – простой пример. Но та же самая логика относится и к сложным объектам. Говоря «Вася рубит лес», мы тремя словами задаём рамки и границы, описывающие смысл ситуации, а не её детали, которых тут может быть миллион: «Кто такой Вася? Зачем рубит? Руками рубит или всё же каким-то инструментом? Где этот лес? Что будет потом?». И это лишь общие вопросы, так сказать, первое приближение. А ведь детали, влияющие на смысл рубки леса могут быть очень мелкими и неочевидными. И каждый человек, говоря эти три слова, будет иметь в виду именно тот смысл, который важен конкретно для него. Кто-то представит себе ночь. Кто-то отчётливо увидит Васю в красной клетчатой рубашке, кто-то будет думать о марке стали топора, а кто-то о жене, которая принесла Васе воды.

Если бы я формулировал идею книги с моим пониманием слов, по которому я живу, воспринимаю мир и определяю свой смысл, это заняло бы в десятки раз меньше страниц. Но из-за того, что понимание слов у нас разное, необходимо вначале создать базис. И именно поэтому мы начнём с общего понимания и общих слов, а в книге далее будут последовательно использоваться все четыре уровня утверждений, описанных ниже.

То есть:

- Я описываю какую-то логику и факты.

- Трактую их как факты.
- Потом интерпретирую, показывая, что понимать эти факты можно по-разному: вот так привыкли, а вот так можно ещё.
- Из этой интерпретации вывожу какое-то обобщение, из которого потом делаю выводы.

Впрочем, тут больше вопросов к нам самим, чем выводов.

Цели и задачи, которые я решаю этими рассуждениями, и выводы, которые я делаю в книге, относятся ко всему человечеству, и отдельного человека касаются лишь в части его осмысленности и соответствующих её моделей поведения. Они на уровне нейрофилософии, хотя по мере написания книги я и стараюсь подробно пройти по всем шагам логики, приводя примеры и обоснования на всех вышеперечисленных уровнях.

Ценность этих выводов прямо пропорциональна уровню подготовленности читателя.

Читателю, не понимающему тут ни слова или считающему это пустым, я бы рекомендовал отложить эту книгу на время, цели и задачи у нас сейчас разные. И понимание слов разное, с каким бы трудом в это ни верилось.

Глава 1

Проблема личности

Почему сложно меняться

3. Картины мира, нить

С какого места начать рисовать круг?

Почему сложно поменять систему? Почему так сложен прыжок веры? Представим себе нить, завязанную в форме круга, лежащую на столе.

Это система знаний, убеждений, образа жизни, целей и прочей психологии конкретного человека – картина мира, субъективная реальность. Каждая точка этой нити – какой-то отдельный аспект системы убеждений, какая-то ассоциация, какие-то знания, вера в установки, вера в «хорошо» и «плохо», привычные модели поведения и так далее. Все элементы связаны и находятся в замкнутой системе этой нити. Психика находится в гармонии, когда нить именно в форме идеального круга.

Когда человек вспоминает себя, когда рассказывает о се-

бе или оценивает себя или окружающую действительность, примеряя её на себя, – он говорит всё то, что есть в этом круге. Когда человек думает о своём будущем, о своём предназначении в жизни, о целях, возможностях, пути и смысле, он говорит терминами и понятиями своей «нити».

Попытку изменить какой-то элемент этой картины мира символично можно представить как попытку пинцетом поднять какую-то точку нити на новую высоту – над столом. При этом за точкой тянутся ближайшие к ней связанные точки, но всё же не вся нить – какие-то из элементов остались лежать на столе. И внутренний «счётчик гармонии» не даст этого сделать – нить перестала быть кругом, её форма исказилась, и внутри человека будет противоречие и дискомфорт до тех пор, пока снова не будет приближенным к идеальности круг в плоскости.

Есть две поговорки на одну и ту же тему – о том, как человек переживает болезненные события:

- Клин клином вышибают.
- Время лечит.

Одна из них отражает суть работы мозга. Другая – всего лишь о том, как повысить статистическую вероятность, дав больше времени на возможность встретить нужный клин.

И тут два пути...

Первый. Отрицать изменение. И это обычная практика – отпустить поднятый фрагмент и забыть те изменения, кото-

рые случились с этой точкой. Нить возвращается на своё место, и в душе покой. Хотя при этом часть фактов и отрицается. Мозг к этому привычен – у него есть куча способов ограничивать и себя самого, и сознание в объёме информации. Отрицаются даже очевидные факты. И тем легче это делается, чем больше людей вокруг отрицают то же самое, то есть чем проще и комфортнее живётся в этой среде с отрицанием этого факта.

Второй. Поднимать нить не за одну точку, а сразу по многим фронтам. И чем больше у человека знаний (опыта, ассоциаций), тем больше у него связей между, казалось бы, независимыми темами, которые входят в это кольцо... Физически мощные знания можно представить так: отдельные части нити смазываются смолой, застывают и становятся цельной единой конструкцией логики, а нить – это уже не просто кольцо, а сложная паутина, где отдельные точки и твёрдые застывшие фрагменты круга соединены нитями ассоциаций.

И теперь уже, принимая как данность какой-то факт, не вписывающийся в привычную картину мира, мы хоть и испытываем дискомфорт, но уже не такой глобальный и сильный, как ранее, ведь поднимая одну точку, мы опираемся на то, что какие-то из точек уже тоже подняты. И за каждой новой поднятой точкой тянутся связанные с ней соседние... Будто бы круг поднимается одновременно несколькими пинцетами.

Даже если пинцетов мало – чем больше знаний, тем боль-

ше шансов, что форма круга более или менее сохранится.

И в этом случае нить поднимается над столом на новую высоту, более или менее сохраняя форму. Ведь новые знания поднимают сразу несколько точек. А ассоциации между знаниями позволяют подтянуть даже те точки, до которых мы не дотрагиваемся пинцетами. Этаким кривой круг... Эту кривизну по ощущениям можно сравнить с тем дискомфортом, который мы испытываем, когда идём против своих принципов и убеждений, но верим, что поступаем правильно.

Например, трата времени на учение или творчество вместо того, чтобы выспаться или покутить. Или, например, жужжащая и порицающая толпа внутри, осуждающая воровство или измену.

Жужжание тем сильнее, чем необычнее подъём. И тем слабее, чем этот подъём привычнее, чем больше связанных с этим изменением фактов мы помним и учитываем.

Нет ничего невозможного, когда дело касается убеждений.

Новая высота – новые взгляды и новые оценки происходящего. А значит, и новое отношение к себе и, соответственно, совершенно другие поступки. Такие, каких вчерашний ты не совершил бы.

Со временем, если не отступать, круг примет свою гармоничную плоскую форму за счёт накопленного **нового** опыта. И картина мира уже станет новой. Привычной, приятной, спокойной, но **новой**.

Есть ситуации, когда для порядка и гармонии нужно вначале пройти через отрицание и **хаос**. Это ситуации, когда нужны перемены в жизни. Нужно обучение. И хаос **необходимо** принять как неизбежное. Легко не бывает.

Во всех остальных ситуациях хаоса можно избежать. Цельной того, что нить лежит на столе. Выбор прост. Он между дискомфортным, но полным и объективным набором знаний, и комфортным, но урезанным набором фактов.

4. Нормальность

Мало кто знает, что «три слова» – это два слова, а «это два слова» – это три слова.

С чего вдруг я заговорил об изменениях и тем более о том, что этой книгой пытаюсь изменить читателя?

Большинство, не сомневаюсь, скажет «я нормальный» и «мне незачем меняться». А что такое нормальность? Что для вас значит это слово?

В зависимости от культуры, времени и места, стандарты нормальности различаются. Нормальность – это жизненная стратегия, отражающая такой способ жизни и мышления, который сохраняет статус-кво ближайшего окружения, то есть стратегия принимать и транслировать далее нормы, веру и правила своего поколения и придерживаться доминирующей системы ценностей общества. Быть «нормальным», по сути, означает быть конформистом.

Психологическая нормальность – это набор типичных социально одобренных обоснованных и подтверждённых характеристик эффективности когнитивного и поведенческого функционирования, этот набор характеристик получен из референтной группы, состоящей из большинства населения.

С. Дж. Бартлетт

Собственно, в конформизме нет ничего плохого. Конформность можно назвать эволюционным приспособлением, которое, реализуя тягу к «нормальному» и бегство от «ненормального», позволяет обеспечить наследование и преемственность. Более того, конформизм позволяет абсолютному большинству особей вида здорово сэкономить на ресурсах, лентяя и плывя по течению, проживая типовые жизни и не сопротивляясь движению толпы. Зачем тратить ресурсы на перфекционизм, когда можно довольствоваться признанным большинством «достаточным уровнем» жизни?!

Поэтому большую часть жизни большинство делает и думает то же и так же, что и другие люди вокруг.

Конформизм представляет собой адаптацию и приспособленчество.

Это полезно, так как, с одной стороны, способствует социальной сплочённости, сотрудничеству и позволяет обществу развиваться комплексно. С другой стороны, это в какой-то мере способствует и реализации каждого отдельного

индивида, экономящего на общем ради своих индивидуальных стремлений. Но из этого не следует, что конформизм однозначно делает жизнь лучше, так как качество жизни зависит не от стратегии, как таковой, а от соответствия стратегии человека тем условиям социума, в котором он живёт и применяет эту стратегию. Если стратегия подходит, качество жизни потенциально статистически выше. Если само общество не поддерживает «дрейф по течению», то применение такой стратегии, наоборот, лишь ухудшит жизнь.

Несмотря на это требование соответствия стратегии условиям, веками в западной культуре конформизм приветствуется. Если кто-то очень уж отклоняется от принятых в его окружении стандартов нормальности, его клеймят, отрицают и изгоняют, причём даже на уровне законов.

Появляется понятие «Вменяемости» (Sanity) – способности судить о вещах так же, как другие люди, иметь обычные привычки, обычные ценности, обычные стремления и т. д. Безумием считаются любые отклонения от этого «как другие люди». Психическим здоровьем считается социальное соответствие, а несоответствие – психическим заболеванием (Б. Раш, С. Дж. Бартлетт).

Определения спорные, так как они базируются на уверенности, что нормы общества – идеальны и здоровы, и, следовательно, соответствие нормам общества, то есть та самая «нормальность» априори никак не может быть психическим расстройством или приводить к нему. Такое определе-

ние вменяемости и здравомыслия хорошо подошло бы для процветающего и развитого общества, но что будет Нормой для низшей культуры, тормозящей здоровое развитие индивида? Верно, нормой тут будет девиация, а быть нормальным в низшей культуре будет означать для человека стратегию, соответствующую канонам этой культуры – следование этой девиации. Приспособление в такой культуре означает для индивида нездоровую психику. А здравомыслие в такой культуре становится преступлением.

Это лишь логика. Пища для размышлений на тему: «А всё ли то нормально, что мы называем нормой?».

Раз уж я называю конформность стратегией, стоит поговорить о её устойчивости, и тут не всё так гладко, как хотелось бы.

Зависимость подстраивающегося индивида от группы не только в здоровье, но и в самой адекватности поддерживаемых норм и их соответствия реальности мира.

Со слов К. Юнга, нормальный человек действительно может процветать в окружении своего общества, но только до того момента, пока он и его окружение не окажутся в беде из-за нарушения законов реальности и человеческой природы. Он разделит всеобщий крах в той же степени, в какой он был приспособлен до этого. Адаптация – это не просто приспособливание. Приспособленность нормального человека – есть его ограничение.

Если социум подвергается испытанию на прочность, то каждый отдельный приспособленец лично переживает «узкое горлышко» отбора, которое может не соответствовать тем условиям и тому уровню гибкости, к которым он приспособивался. То есть конформист испытывает серьёзные мучения, если ему или ей выпадает серьёзное социальное потрясение.

В одном показательном эксперименте испытуемым задавали вопросы об отношении к разным проступкам и просили оценить тяжесть преступления и, соответственно, меру наказания по шкале от 1 до 10. При этом замерялась скорость и распределение ответов, а также то, какие события внешней среды способны статистически значимо повлиять на оценки.

Группа испытуемых, которым перед прохождением вопросов каким-то образом напоминали о смерти, думала над заданиями дольше. Будто бы ответы в сфере этики представляли для них куда как более сложный вопрос, чем для тех, кто не имел в этот момент активированных ассоциаций со смертью.

Плюс к тому, испытуемые этой группы позволяли себе нарушать правила, голосуя за цифры, которых не было в шкале, и оценивая определённые проступки как принципиально недопустимые.

Получается, будто бы люди, не думая о смерти, просто «отмахиваются», вынося свои оценки. А думающие о смерти – настолько глубоко проживают свою роль судьбы, что даже

готовы расширить её по сравнению с экспериментом.

Страшно подумать, но ведь в быту обычной жизни, где нет социального давления условиями эксперимента, роль судьи исполняется десятки и сотни раз в день, при каждом взаимодействии человека с кем-то ещё и при каждой более или менее осознанной оценке своих действий! И шансы, что человек в этот момент помнит о конечности жизни, неизмеримо малы по сравнению с этой экспериментальной группой. Тем более в обществе, основной целью и ценностью которого являются комфорт и безопасность и все ресурсы которого брошены на их достижение.

И это не вчера началось. В начале XX века люди постепенно ушли от ежедневного видения смерти. Появились больницы (где медленно умирают), а также морги и ритуальные услуги (где происходит обработка). И смерть стала неочевидной... Даже смерть во имя выживания, например скотобойни, были вынесены технологиями и масштабами производства подальше от потребителя.

И это внутреннее спокойствие без упоминаний смерти настолько комфортно, что общество даже обзавелось регуляторами, не позволяющими смерти напоминать о себе внезапно и неожиданно, как это было бы естественно. Как пример, рейтинги кино и других публичных материалов.

Смерть – это конец. Точка, знаменующая подведение итога. Точка, показывающая полноту оцениваемой жизни.

Она важна, так как без неё не будет никакого итога и полноты. И любое решение, принятое без этого осознания, обречено на неполноту.

Конформизм как бы подменяет правила, по которым формируется самооценка человека: вместо правильности жизни через реализацию наивысшей нравственной задачи человека предлагается оценивать правильность текущих условий. Или даже, если быть точным, правильность подстройки человека под текущие условия, то есть деятельности (призвания, профессии).

Традиционная мораль определяет, что главной жизненной задачей отдельного человека является выполнение мирских обязанностей, угодных Богу, согласно месту человека в мире. Со временем Бог и его «угодно» заменились обществом.

Мирские обязанности превращаются в профессию, а «место в мире» превращается в выявление, а то и воспитание профессий. Вешаем на человека ярлык определённой профессии, и вуаля – мы точно знаем, чего от него ждать и с каким качеством, а к каким действиям или мыслям его подпускать нельзя – всё просто, понятно, удобно и безопасно.

При этом с детства воспитываются идеи «у каждого должна быть цель», «должен быть смысл», «человек должен быть полезен» и т. п. Благодаря ограничению высшей цели – призванием профессии, а свободного развития – этими «должен» (в понимании «достойн»), счастье воспринимается как

успех в той профессии, которую человек желает.

А если человек хочет одной реализации, а по факту реализуется в другой области, это считается несчастьем. Как раз из-за натренированной идеи «каждый должен быть счастлив, занимаясь своим делом». Ошибка тут не в тренировке идей – хотя к этим установкам тоже много вопросов на тему «а каждый ли?», ошибка, на мой взгляд, в идее свободной воли, которая кочует из сюжета в сюжет и от человека к человеку. Мечты и представления человека о «его деле» и «его предназначении» – это всего лишь иллюзия выбора человеком своего направления. Человек так или иначе будет делать то, к чему у него есть способности и возможности, там, где он сейчас, и с тем уровнем технологий и результатов, какие доступны на этом этапе развития. И это всё несколько не зависит от его желаний или того, что называется «волей».

Плюс к тому, Нормальность, определяемая как комфорт и безопасность, – это ориентир на конформизм и, как следствие, ориентир на отрицание проб и ошибок. Эта стратегия не подходит для высокорискованных сред, в которых каждая ошибка – потенциально смертельна. Но здорово подходит для сред, в которых цена ошибки минимальна.

Стоило бы задуматься, а какую среду представляет наш реальный мир? И готово ли человечество к нему, к этому миру?

По-настоящему безнадёжные жертвы душевного страдания как раз находятся среди тех, кто выглядит

совершенно нормальным. *«Многие из них нормальны, потому что хорошо приспособились к нашему образу жизни, потому что их человеческий голос был заглушен на такой ранней стадии их жизни, что они не боролись, а поэтому и не страдали симптомами, характерными для невротиков».* Эти люди нормальны не в общепринятом узком смысле данного слова; нормальны только по отношению к нашему абсолютно ненормальному обществу. Их идеальная адаптация к этому ненормальному обществу является мерой их душевного заболевания. Эти миллионы аномально нормальных людей, безбедно существующих в обществе, к которому, если бы они сумели полностью сохранить свою человеческую сущность, они не смогли бы приспособиться, но зато «лелеяли бы иллюзию индивидуальности», хотя на самом деле общество безжалостно лишило их настоящей индивидуальности. Конформизм в этой ситуации превращается в единообразие. Но *«единообразие и свобода несовместимы. Единообразие и душевное здоровье тоже несовместимы... Человек не создан для того, чтобы быть автоматом, и если он им становится, то рушится само основание его душевного здоровья».*

О. Хаксли (Возвращение в дивный новый мир)

Согласно П. В. Цапффе, человек тревожен от природы, поскольку способен задаваться вопросами, ответы на которые не способен найти. Нормальность неспроста определя-

ется как комфорт и безопасность – именно за ними прячется заветное спокойствие, побег от этой тревожности, от депрессии, от боли. Это созвучно с М. Хайдеггером: мы пребываем в будничном ритме жизни, чтобы отвлечься от тревожности (от тех самых вопросов, на которые не можем ответить). Нас окружают институты, назначение которых – «снимать тревожность» (и церковь, и образование, и работы, и т. п.). Но они приелись. Они больше не в состоянии снимать тревогу.

Рональд Барнетт в рассуждении об университетах говорит: «Западный университет умер», имея в виду переломный момент последних десятилетий в борьбе с конформизмом.

Если раньше университеты были местами «гарантий», где, выполнив определённый и прозрачный ритуал, можно было набрать «успокаивающих статусов», сейчас самыми передовыми становятся университеты, делающие ставку на такой же уровень неопределённости, как и VUCA-мир вокруг. От студентов требуют критического мышления, специально формируется тревожное существо. Университет возрождается в новой форме, как центры критического мышления, где сами эти критическое мышление и тревожность становятся источниками статусов. Тревожность, вынуждающая жить, а не самоугнетение, приводящее к депрессии – разница для психики и здоровья огромная.

Хайдеггер и Сартр говорят о том, что выйти из

плена «дасман» («каждый есть – другие, и никто – он сам») можно только перед лицом неизбежности, то есть какого-то такого выбора, который нужно сделать обязательно, или какого-то такого явления, которое неизбежно произойдет.

Например, смерть.

Только в мыслях об этом человек находит самого себя – настоящего себя. Отсюда и мудрость поговорки «окна поэта должны выходить на кладбище». Отсюда и высокие оценки наказаний у тестовой группы с активированными ассоциациями про смерть.

О том, что нормальность не означает психическое здоровье, свидетельствует высокий уровень тревожных расстройств, депрессии и самоубийств, а также то, как человечество утопает в наркотиках и алкоголе. Более того массовое сознание или стадное чувство, что бушуют в социальных сетях последние десятилетия, а теперь вырвались на улицу, являются ещё одним признаком коллективной незащитности нашей эпохи.

Юнг пишет: *«Беспомощность и страх формировали группы, которые скорее всего формировали ещё большие группы ради коллективной безопасности». «Мы остерегаемся разных болезней тела, но мы небрежно относимся к ещё более опасной пандемии разума».*

Если пандемия разума распространилась по большей части мира, то единственное решение для тех, кто хочет сохранить здравомыслие, это познать, что способствует развитию

человека, и строить свою жизнь на таких основах.

Хотя стандарты нормальности изменчивы, что приносит процветание человеку и не подвержено переменам? Наша природа неизменна, она берет своё начало из истории нашей эволюции. Или, как писал Юнг: *«Когда живой организм оторван от своих корней, разрывается связь с основой существования, и он обязательно погибнет».*

И в этом заключается фатальный изъян западной концепции нормальности. Она не учитывает саму нашу суть и природу. И раз за разом мы видим «разрешение» того, что Фридрих Ницше считал одним из фундаментальных наших побуждений – воли к власти.

Многие слышали фразу: «Абсолютная власть развращает абсолютно», а психолог Р. Мэй добавил, что отсутствие личной власти может быть столь же разрушительным.

На индивидуальном уровне безвластие приводит к воспитанию жертвы и апатии. Что становится причиной для психических заболеваний. В то же время на социальном уровне стада бесправных и безвольных мужчин и женщин создают условия для появления тиранов.

Жертвы – не в смысле благородства спасения миллионов жизней ценой своей одной, а в смысле бесполезного самоугнетения, не приносящего никому ни радости, ни развития.

Но раз уж мы говорим о парадигме, стоит упомянуть общественные движения и личную и индивидуальную тягу каждого к этому самому благородству спасения. Есть люди,

которые говорят: мы, люди, вольны выбирать, как нам жить и что чувствовать. Мы вызволим народ из оков. Вот как эта книга, например.

Но большинство людей не знает, чем занять себя вечером. Люди страдают от депрессии, потому что не в силах дотянуться до всего того обилия предоставленных им возможностей (той самой абсолютной власти) по причине своей нерешительности.

Знание о существовании свободы, вольности и возможности выбора делает людей несчастнее, чем незнание, поскольку границ этой свободы не видно даже при самом высоком уровне знания. Что неизбежно приводит к бесконечной гонке... Поэтому на самом деле людей устраивает плыть по течению – по крайней мере, есть уверенность в завтрашнем дне.

Ниже мы попробуем пройти по острию, с одной стороны, разрушив желание «нормальности» и бесполезной жертвенности, с другой стороны, не потеряв воли к реализации при отрицании невозможности власти.

Как сформулировать понятный всем закон?

5. Иллюзия понимания друг друга

Чтобы потерять друга, скажи ему правду.

Как поступает толпа с выделяющимися из неё людьми? Чаще всего клеймит и закидывает камнями вплоть до изгнания.

А как именно те или иные люди выделяются из толпы? В чём именно состоит это выделение? Как мы можем, глядя на кого-то, сказать, выделяется он или нет? Давайте разберёмся. На примере личных отношений и близости по большей части, как самых простых в плане логики по сравнению с остальными социальными ролями.

Наш язык неплохо справляется с коммуникацией в обычной бытовой жизни. Есть названия предметов, действий, которые мы делаем регулярно, чувств и мыслей, которые мы испытываем в течение жизни, состояний, статусов и прочего, что составляет наше бытие – что мы видим, чувствуем, к чему стремимся.

Даже такой богатый по словарному запасу язык, как русский или английский, не предназначен для передачи инфор-

мации о чём-то, выходящем за рамки этой обыденности, например, для нестандартных ситуаций или для абстрактных конструкций. В виде которых, собственно, и строится любой закон.

Любой закон. Будь то морально-этическая норма, юридический или математический посыл, описание привычной модели поведения или религиозных учений. Даже если и удаётся сформулировать кратко основную идею, требуется много букв, чтобы эту идею все поняли действительно одинаково. Много букв на то, чтобы эту основную идею представить в форме конкретной игровой (жизненной) истории, в которой идея подсвечивается – именно она оказывает главное влияние на сюжет, а не другие факторы. И в отношении некоторых законов не так-то просто бывает выдумать такую жизненную историю...

Причём это правило работает и в отношении самого себя, то есть самого этого правила про сложность языка – без подробного объяснения с несколькими доказательствами люди уверенно отрицают ограниченность слов и разное понимание понятий.

Непривычно думать о том, что существуют такие конструкции, которые нашим языком нельзя описать одним-двумя предложениями. Нужно дать десятки страниц уточняющего текста, чтобы описать какую-то даже простую мысленную или логическую конструкцию, разъяснить десятки взаимосвязанных условий и законов, которые бы состав-

ляли один какой-то закон.

Непривычно – думать и принимать, что языка, на основе которого строится целиком вся твоя жизнь, не хватает, чтобы передать какое-то понятие. Ведь это же косвенно указывает на то, что и сама жизнь ограничена. Что мир значительно многограннее, чем мы проживаем.

Да, жизнь ограничена – бытовухой. В то время как взаимодействие с информацией происходит на нескольких уровнях, значительно превосходящих эту бытовуху по объёму данных.

Наглядно уровни информации и её понимания можно выразить так:

Уровень фактов – очевидные вещи, события и явления, которые всеми окружающими воспринимаются одинаково. Есть, конечно, разница между наблюдающими в полноте или угле зрения, но на этом уровне она минимальна. Количество слов в языках для описания фактов прямо пропорционально количеству явлений окружающего мира, с которыми они сталкиваются в данной местности. Именно на данном уровне доказательства выглядят наиболее убедительно. К сожалению, идеи уровня обобщения и законов не имеют фактов, кроме статистики, которую можно перетянуть при желании в сторону необходимого автору искажения.

Уровень интерпретации – разница в восприятии разными людьми одних и тех же фактов становится ошеломляющей именно на этом уровне. Одни и те же факты могут интерпре-

тироваться людьми разных культур и даже просто убеждений совершенно по-разному. И я здесь под культурами имею в виду не только такие глобальные отличия, как национальные традиции, религиозные догмы и традиции и особенности восприятия мира, связанные с географическим положением. Нет, всё проще и шире одновременно. Я говорю обо всём комплексе рефлексов, воспитанных у человека в течение жизни. И под влиянием глобальных причин, и под влиянием воспитания и окружения, а ещё все те знаковые случаи в жизни каждого отдельного человека, которые воспитали в нём определённые точки зрения на те самые факты. Словарный запас для уровня интерпретаций составляет львиную долю любого языка, потому что именно на этом уровне происходит большая часть взаимодействия между людьми. Доказательства на этом уровне, на мой взгляд, невозможны – вместо них люди просчитывают ситуацию наперёд и подыгрывают, изображая согласие, манипулируя и рассчитывая получить компенсацию этой лжи.

Уровень обобщения. При всём разнообразии судеб и рефлексов людям нужно как-то уживаться друг с другом, коммуницировать, договариваться, достигать чего-то вместе. Поэтому каждый из нас может, глядя на другого человека, «отбросить» неважные и непринципиальные для выживания детали, факты и особенности этого человека, чтобы далее говорить о нём, как о сферическом добряке в вакууме. Ну или как о подлеце. Или умнике. И так далее. Обобщая, мы всё

так же отталкиваемся от своей истории, от своих привычных реакций, как и на уровне интерпретаций, но, во-первых, вынуждены считаться с уже устоявшимися группами обобщения (классификаторами для оценки, методиками оценки и т. п.), а во-вторых, сильно зависим от объёма жизненного опыта. Развитие языка и уточнение опыта на данном уровне происходит благодаря выскочкам – тем самым выделяющимся из толпы людям.

Уровень закона. Та самая истина, сформулировать которую, якобы, невозможно. Возможно, друзья мои, возможно. Просто слов для этих идей в языке нет, поэтому законы всегда между строк в очень больших текстах. Кому-то истина настолько будет резать глаз, что он будет отрицать очевидные факты – самый первый уровень информации, а ведь в больших текстах всегда есть, к чему придраться. Порой отрицается даже сама необходимость вчитываться – со словами «афоризмы же короткие, а вы тут написали 1001 страницу, мутите воду, видимо». Именно поэтому, за ненадобностью, в наших языках слишком мало слов, которыми можно однозначно доносить информацию такого уровня. В этой книге около двадцати утверждений уровня закона, которые я пытаюсь озвучить явно, а не между строк. И утверждение, что наш язык предназначен для лжи и манипуляций, – одно из них.

Возвращаюсь к нестандартным ситуациям и абстрактным конструкциям. Выделение необычного человека из толпы

происходит за счёт интерпретации его поступков и сравнения их с обобщённым образом этой толпы. Если совпадение налицо, относим его к стаду, если нет – клеймим. И при этом каждый человек не просто выносит своё суждение, он ещё и предполагает суждение остальных членов группы, проверяя и своё собственное нахождение в группе при таком приговоре, и, соответственно, это своё суждение – на состоятельность.

Если у группы недостаточно слов, чтобы однозначно классифицировать выделяющуюся персону, либо произойдёт развитие языка и появление нового эпитета (статуса), либо персона будет осуждена с «закрытием глаз» на часть фактов и названа уже имеющимся эпитетом.

Хорошим примером являются оценки положительных и отрицательных персонажей в кино и литературе.

И положительный, и отрицательный персонажи могут в равной мере совершать совершенно одинаковые с точки зрения светского закона поступки, убивать одинаковое количество окружающих людей, нарушать морально-этические правила, идти напролом, вести паразитический, вредный, опасный, неправильный (нужное подчеркнуть) образ жизни, – словом, грешить по полной программе. И почему-то у одного из них все эти факты на поверхности, обсуждаются и порицаются обществом, и справедливой расплаты ему за них не избежать. А вот второму это прощается, будто бы так и должно было быть.

Недостаток слов и, самое главное, отброшенных фактов на уровне обобщения и закона приводит к тому, что мы вынуждены клеймить лишь крайностями – «хороший» или «плохой», например, причём лишь по ограниченному списку критериев. При этом, хорошим считается тот, кто отнесён к толпе (к стаду, группе, команде и т. п.), а плохим – выделяющийся, имеющий нестандартную точку зрения или даже поведение.

Сравните с этой позиции поведение в ресторане быстрого питания трёх людей. Михаил знаком не просто с этикетом, а ещё и с его историей, назначением (обоснованием), применимостью и значением. И он в данной ситуации принимает решение не обращать внимания на догмы и правила поведения в ресторанах, поскольку понимает, что эти правила были созданы не для этого заведения. И ест себе, не заморачиваясь, звонко чавкая.

Пётр вообще никогда толком не слышал об этикете и даже термина такого не знает. Простой человек, простая жизнь, ему ни этикет, ни тем более такие высшие материи, как отношение к его персоне окружающих, мягко говоря, неважны. Не в его рефлексах. И он точно так же громко и звонко чавкает, не уступая Михаилу.

Мария никогда не слышала и не задумывалась об истории этикета, но родители, желая дочке хорошей жизни с принцем, приучили её всегда первой входить в лифт, пользоваться салфетками, ножом и вилкой, тихо смеяться и писать «Вы» с большой буквы.

И она пребывает в абсолютной уверенности, что является эталонным носителем норм этикета, имеет право судить окружающих в части соблюдения оно, и это слово должно восприниматься окружающими, как божественный мотиватор изменения поведения. Глядя под звонкое чавканье на капающий с рук Петра и Михаила кетчуп, она однозначно классифицирует их как быдло. Ведь она сама режет ножом бургеры на маленькие кусочки, ест их не иначе как вилкой, вытирая губы салфеткой после каждого куска.

В этой картине Мария аллегорически представляет толпу. Михаил – гения. Пётр – быдло.

Сточки зрения толпы выделяющийся человек плохой. Куда бы он там ни выделялся. Ведь оценка ведётся не по уровню знаний или решениям – эти факты были отброшены при обобщающей классификации. Оценка ведётся по объёму кетчупа на столе и на губах после еды. А ведь, согласитесь, чисто случайно и Пётр по этому показателю мог оказаться лучше Марии. Если бы был ловким, внимательным и голодным любителем кетчупа и не проронил бы ни капли.

Разница в отношении и оценках толпой падших и возвышенных людей скрыта в языке, в присваиваемых ярлыках – именно отсюда разночтения. Ведь ярлыки выносятся на уровне интерпретаций, то есть на основе личного отношения, а относятся к уровню обобщений, то есть предназначены для оценки и взаимодействия с носителем ярлыка всех окружающих.

Откуда такая ограниченность языка?

Оттуда, что у людей нет нужды в том, чтобы говорить правду, чтобы какое-то слово **однозначно** говорило о сути предмета, отношения или понятия. Особенно это относится к тем сферам жизни, где есть возможность влияния на других людей: эмоциям, чувствам, поведению, всем тем товарам и предметам, которые символизируют определённые социальные группы и статусы и т. п., а также к тем понятиям, которые связаны с властью над людьми и управлением: политике, продажам, рекламе, образу жизни и так далее.

Что это за сферы влияния такие и что за управление понятиями?

Забегая вперёд, отмечу, что это те самые социальные группы и статусы, которые человеку очень желанны, но в которых он не является ревизором. Создание новых понятий, по сути, ведёт к созданию альтернативных социальных групп, в которых человек уже обладает необходимым статусом. Для самого человека, с позиции психики, это договор с богом, для всех остальных – обучение.

Простым языком, это те части нашей жизни, в которых удалось обмануть толпу.

Каждый из нас в обычной жизни сталкивается с тем, что какие-то свои чувства он вынужден прятать или даже отрицать, а какие-то чувства и потребности – наоборот, демонстрировать. Вынужден, потому что от него этого ждут, потому что должен, потому что он считает это правильным или

логичным (см. ниже «Идеальный человек»), Во всех тех случаях, когда не сделать этого означает что-то плохое, а сделать – что-то хорошее.

При этом, кроме этого великого «добра» и «зла», в конкретной проблеме и конкретном выборе, у человека есть ещё десятки и сотни желаний и потребностей, которые он учитывает, расставляя приоритеты не по каждому отдельному решению, а по всей системе в целом.

И сказать и сделать или скрыть и недоговорить нужно так, чтобы влияние на все остальные сферы жизни было или позитивным, или хотя бы минимальным. Эти сокрытие или демонстрация чувств и потребностей при их, соответственно, наличии или отсутствии ведут к искажению качественных характеристик.

Такому искажению, при котором человек, говоря «белое», при том что видит на самом деле нежелательное для него «чёрное», сам же начинает наделять это «белое» некоторыми оттенками черноты. Верит в то, что говорит, – для убедительности.

Верит в то, что говорит, потому что иначе у него же самого будет когнитивный диссонанс. И это выражается в языке в виде искажения смысла слов, приставок, усилителей и уменьшителей, дополнительных пояснений или поступков, демонстрирующих истинное значение сказанного слова.

Потом, далее, когда он будет говорить про действительно белое, эта вера останется, и он уже никогда не сможет

обозначить белый цвет. Даже когда он дополняет понятия усилителями вроде «по-настоящему белое» или «самый лучший», рано или поздно смысл самих этих приставок и усилителей тоже искажается. И «по-настоящему белое» тоже становится серым.

Пример 1. Обозначение чувств.

Миша и Маша уже давно вместе, их отношения, по их словам, очень серьёзные, близкие, ответственные.

Как они понимают эти слова – серьёзные, близкие, ответственные.

Маша регулярно спрашивает Мишу, любит ли он её.

Для неё этот вопрос может быть всем, чем угодно – от привычного и приятного способа заполнить тишину порцией комплиментов, сравнимого по эмоциям с пожеланием доброго дня каждое утро, до единственного и неповторимого удовольствия от голоса любимого человека, произносящего определённые слова. По настроению – вопрос уже вошёл в привычку, и слова срываются с губ сами собой. Для Миши каждый такой вопрос является вызовом. Он всякий раз воспринимает этот вопрос как результат сомнений любимой в том, как он к ней относится. И если поначалу это было вызовом для его модели ухаживаний, далее стало привычной и скучной традицией, то последние месяцы стало действительно признаком сомнений. Он сам полон сомнений:

«Мы же столько лет вместе! Как можно спрашивать об этом каждый день? Она что, ждёт, что я вот так вдруг

в какой-то день могу сказать „нет“?».

И при всём этом он продолжает отвечать ей «Да» на каждый её вопрос. Оба это «Да» воспринимают уже далеко не так, как было пару или десяток лет назад.

Страшно представить, но если они разойдутся и какая-то другая мисс спросит Мишу, любит ли он её, какие бы чувства он ни испытывал, для него ответ «Да» будет полон сомнений.

А самое страшное тут, что это в каждом из нас. И практически в каждом слове.

Пример 2. Отношение к переработкам.

Во время интервьюирования при приёме на работу часто можно услышать вопрос «Как вы относитесь к переработкам?». Заинтересованный в трудоустройстве кандидат, разумеется, с большой вероятностью ответит, что «переработки – это его кредо» и он «жалеет, что в сутках всего 24 часа».

Работодатель помимо непосредственно вопроса держит в голове информацию о том, что:

1. На рынке 100500 аналогичных кандидатов, и острота нужды у них разная.

2. Задачи, которые планируется закрыть данной позицией, учтены в описании вакансии явно не полностью. Есть такие непредсказуемые риски, которые списать буквально не на что и не на кого.

3. Стоимость поиска сотрудника растёт с каждым днём.

4. И ещё куча других предположений с той

же логикой – а что ещё говорит «за» или «против» скорейшего приёма именно этого кандидата. Для работодателя это означает, что кандидат, став сотрудником, сможет за оговоренные деньги гарантированно выполнять порученную ему работу, даже если сложность этой работы не соответствует позиции, а ресурсы для выполнения работы были оценены необъективно или с сознательными искажениями. Всё ради победы на рынке, всё ради прибыли владельцев.

Вряд ли кандидат мотивируется в духе «всё для прибыли владельцев». Даже если их прибыль для него и является приоритетом, то лишь опосредованно, через их гарантии стабильности, лояльность, расположение, политические и репутационные «очки», которые не озвучиваются, но имеются в виду каждым из них. «Заинтересованность в трудоустройстве» кандидата не связана с тем, какие проблемы стоят перед владельцами компании. Его заинтересованность определяется простым соотношением: что, по его мнению, он получит/что, по его мнению, он потеряет в жизни.

Для сотрудника фраза означает:

1. Я получу безопасность, так как буду просто-таки бесценным сотрудником.
2. Я получу гарантии, что меня не уволят в кризис. Мы ведь договорились! А мне ещё кредиты выплачивать.
3. Я покажу себя с лучшей стороны. Это редкость в

наше время.

4. Да, может быть, придётся поработать пару раз в месяц чуть подольше. Это не страшно.

5. Постараюсь уходить пораньше в те дни, когда работы нет. Казалось бы, говорят об одном и том же, но за простыми словами такой разный смысл.

Если говорить об этой ситуации на уровне обобщения, её можно было бы описать так.

Рынок труда в случае данной вакантной позиции – рынок работодателя, и работодатель этим активно пользуется. Работодатель в курсе предстоящей нагрузки на этой должности, объективно понимает нехватку одного человека для выполнения всех этих задач и видит недостаток компетенций у всех доступных за предлагаемый оклад кандидатов. Поэтому манипулирует: «Хочешь на работу? Соглашайся на переработки!».

Для кандидата в данной ситуации сказать, что он не согласен на переработки, практически гарантированно означает отказ в дальнейшем трудоустройстве. В условиях рынка работодателя он подыгрывает, изображая из себя любителя погнуть спину бесплатно.

А ведь если бы называть вещи своими именами, вопрос работодателя звучал бы так:

– Как вы относитесь к тому, чтобы работать больше, чем мы с вами прописываем в договоре, чтобы я и владельцы компании получили больше прибыли?

А ответ кандидата звучал бы так:

– Мне всё равно, на кого работать, лишь бы платили

сейчас и в будущем, именно это мне нужно. До тех пор, пока я не встречу кого-то, кто будет менее наглым, чем вы, я готов буду терпеть всё что угодно.

Разве станет кто-то так говорить на собеседованиях?!

А самое страшное тут, что это в каждом из нас. И практически в каждом слове.

Таким образом, все мы вынуждены врать, ради того чтобы быть в каких-то социальных группах или иметь какие-то статусы. И язык приспособлен именно для этого. В языке все (!) смысловые слова в определённом контексте понимаются по-разному. Значение меняется от случая к случаю для получения или сохранения каких-то позиций в обществе или перед самим собой.

Эффект усиливается привычками и традициями – воспитанием, окружением и т. п. Может быть, «врать» – очень уж жёсткое слово, ведь за этим понятием стоит мотив осознанного намеренного искажения фактов. И всё же да, в современной цивилизации именно так. Точных слов в языках развитых культур уже давно нет. Если они и были когда-то, то лишь в те времена, когда назначением языка было наименование физических объектов и явлений для организации коллективной работы. С момента появления в языке символов для именованя «воображаемых сущностей», не связанных с реальностью, но имеющих ценность в определённом коллективе, начинается история обмана. Отсюда и разночтения.

6. Выживаем, искажая

Дьявол не знает, что он Дьявол. Он думает, что он Бог.

Разберём чуть подробнее, как именно слова используются для статусов. Каждый человек пребывает в балансе между разными способами удовлетворённости инстинктов. Напрямую и непосредственно может удовлетвориться только инстинкт размножения, а безопасность всегда реализуется через какие-то социальные конструкции – через то, как мы видим и оцениваем своё положение в обществе (см. ниже «Ответственность перед группой»). Конструкции – потому что в быту никто не заморачивается, разбирая каждое слово и жест, воспринимаются и учитываются целые паттерны, шаблоны поведения и модели жизни. Якобы влияние отдельного слова или фразы настолько мало по сравнению с общей жизненной концепцией, что его значением в мнении окружающих можно пренебречь.

Однако ж это не так. Как раз из отдельных слов и дел и состоят те самые модели поведения, шаблонными **названиями** которых люди «говорят».

Опишу, как это работает.

Называя кого-то (например, себя) каким-то эпитетом, мы помещаем человека в рамки определённой группы ограничений – что ему делать нельзя, а что, наоборот, должно.

Восприятие человеком этой группы (насколько она ценна с точки зрения выживания и размножения) определяет ценность этой группы для его мотивации – будет он стремиться к ней или будет, наоборот, убегать. Соответственно этой оценке строится и отношение к эпитету. И опосредованно к говорящему. Слова-признаки, определяющие группы, могут быть при этом как объективно значимыми (например, деление на группы по половому признаку), так и такими, на которые в быту никто не обратит внимания (как умение считать точки в экспериментах).

При этом в силу того, что язык – ложь, ярлыки могут быть обманчивыми и двоякими, могут говорящим и слушателем относиться к разным группам.

В личных отношениях это вообще огромная беда. Все эпитеты, комплименты, обещания, включая даже сами названия отношений и ярлыки, по сути, описывают далеко не отношение людей друг к другу, и не их желания. А отношение к неким позициям в жизни, социальным статусам и видам отношений.

Если я хочу есть, но в обществе не принято быть голодным, я буду использовать какие угодно слова, но никогда не скажу, что я «голоден». Иначе я буду восприниматься окружающими как изгой и недополучу от них какие-то блага – не смогу в дальнейшем реализовать положительный статус. То есть снизится вероятность выжить.

Я не хочу врать толпе, я не принижаю своё чувство

голода, я не выражаю этим своего отношения к голоду и еде. Нет. Я выражаю этим своё отношение к толпе, в которой принято такое отношение к чувству голода и еде. То есть опосредованно.

И то же самое и со вторым инстинктом – в современной светской культуре развитых стран секс строго упорядочен ритуалами, и прямо говорить о нём, например, противоречит этим ритуалам, а значит, считается неправильным, постыдным и вульгарным, а стремиться к отношениям, в которых секс подчёркнуто на первом месте, просто тупо запрещено. И такие отношения называются, как угодно, только не своими именами. Иначе можно получить ряд постыдных статусов, что приведёт к снижению лояльности части общества и недополучению каких-то благ. То есть к снижению вероятности выжить.

Классический пример ярлыка, свойственного группе, которая не нужна. Миша познакомился с Машей. Они общаются, узнают друг друга, взаимно нравятся друг другу, им хотелось бы развивать эти отношения. Миша предлагает Маше «большую и чистую любовь» и приглашает встретиться.

Для Миши «большая и чистая», соответственно воспитанию и жизненным установкам, однозначно ассоциируются с семьёй и отношениями на всю жизнь. Относя Машу к группе людей, с которыми он готов связать свою жизнь, он настроен на эти самые серьёзные отношения, в которые в том числе входит и радость от близости. Поэтому предложение интимной встречи для

него – это открытая Маше душа.

У Маши, в силу её привычного поведения (воспитание, привычки, примеры вокруг и т. п.), срабатывает рефлекс – секс вне брака воспринимается как линия поведения падшей женщины, и соответственно предложение только секса, без брака, однозначно относит её к группе «падших». Интересно ли ей эта группа с точки зрения выживания и размножения? Нет. И она не слушает никаких других слов, объясняющих какую-то там «открытую душу» и «серьёзные отношения». Это всё уже неважно.

Каждый способ удовлетворения связан ярлыками и социальными группами. Какие-то ярлыки относят людей к каким-то большим группам, в которых может быть много одновременных участников, а какие-то уникальны и не могут быть даны разным людям (например, все те, что с эпитетами «самый» или «близкий»), Такие ярлыки дают гарантию безопасности, поскольку говорят об уникальном вкладе в достижение цели группы (см. ниже «Ответственность перед группой»), и из-за этого за эти статусы и группы ведётся ожесточённая конкуренция и борьба.

Так как сам процесс включения в группы связан с решением ревизора (зависимостью от ревизора), любое действие в этой конкуренции связано с покушением на удовлетворённость безопасности других людей – тех, которые не получили уникальный статус, потому что его получил сам человек.

И если эти другие люди являются ревизорами каких-то

других важных социальных групп, человек балансирует на грани.

Собственно, так оно всегда и происходит между знакомыми и тем более близкими людьми – без всяких «если», так как они друг для друга всегда являются ревизорами сразу нескольких групп. Получая в одной из них преимущество, важно соблюсти баланс безопасности для другого человека, иначе будет агрессия.

Балансирование выглядит как бизнес-отношения: ты мне – я тебе.

Пример линии поведения в товарообмене статусами.

Петя своими действиями или словами показывает Маше какую-то определённую линию поведения, которая для неё предсказуема. Например, в процессе ухаживания не забегает вперёд, не говорит двусмысленностей, вовремя и к месту делает сюрпризы и подарки, говорит ей именно то, что она ожидает услышать, обещает уж если не золотые горы, то свой уютный домик (реалистичные планы), рассказывает, что она единственная и он хочет познакомиться с родными и т. д. и т. п.

Для Маши это значит, что она может просчитать свои жизненные шаги дальше и тем самым снизить хаос и повысить свою безопасность.

И она ему в ответ – статус «хорошего человека», «порядочного человека», включение в группу «близких людей», это и вообще наделение ролью ревизора

в каких-то группах (группа порядочных людей, например) или уникальным статусом (см. выше) «её жениха».

Чем больше будет случаев ожидаемого Машей поведения Пети, тем выше будет его надёжность в её глазах и тем выше будут статусы и эпитеты, выдаваемые ею Пете.

В дальнейшем Петя реализует это доверие и статусы через ответное влияние – в какой-то момент роль ревизора или уникальный статус дают ему возможность без потери отношений поступить эгоистично, требовать от Маши какого-то поведения в обмен на то, что он, будучи ревизором, включит её в какую-то группу.

Допустим, Петя может рассчитывать на то, что даже при большом выборе мужчин она будет в большей степени лояльна именно к нему – больше проводить времени с ним, чем с остальными, в большей степени открыта, в большей степени доверчива. Это и есть реализация.

В какой-то момент Петя требует от Маши её верности. Важно ей это или нет, сложно это ей или нет, считает ли она это правильным или нет, неважно – для неё это ограничение свободы, то есть ущерб для безопасности, «недополученные контакты». Но она соглашается на это, поскольку взамен он тоже наделяет её уникальным статусом – «своей невесты». Что для неё будет означать безопасность, потому что и она от него сможет теперь требовать верности.

Ты мне – я тебе...

В таких вот договорах и колебаниях и состоит всё общение. На абстрактном уровне любой разговор – это обмен доказательствами своих статусов, наделение новыми статусами, подтверждение наличия статусов и реклама возможностей этих статусов.

А любые отношения – это постоянная смена зарабатывания статусов и их реализации и, соответственно, чередой надёжных и эгоистичных поступков.

Реализация статуса идёт через доверие. Наделение положительными статусами – это повышение надёжности человека в глазах ревизора. Получение отрицательного статуса – это когда ревизор видит в действиях оцениваемого эгоизм (см. ниже «Формулу доверия»).

Колебания человека по жизни и собственно его мотивация что-то делать продиктованы тягой повлиять на разных людей. Если люди, на которых человек пытается влиять, относятся к разным социальным группам и никак между собой не связаны, эту тягу реализовать несложно – человек просто переключается с одной линии поведения на другую, лишь бы времени и обещанных ресурсов хватало на выполнение всех обещаний. А вот если люди относятся к разным социальным группам, но при этом ещё и сами по себе чем-то объединены, возникают накладки.

Миша, влияя своим предложением на гарантии выживания Маши, тем самым снижает желание Маши, чтобы выжил сам Миша. Во всех тех случаях, когда Маша будет влиять на

статусы и ревизоров, важных Мише для выживания, она будет стремиться принизить их значимость для группы. Пусть даже и неосознанно.

Когда Миша направляет Маше послание с предложением отношений, это означает, что его оценка его состояния, социальных групп и статуса (по его информированности) соответствуют состоянию и статусам Маши (в его картине мира). Если Маша игнорирует это послание частично или полностью, она, по сути, ведёт себя так, будто бы состояние и статусы Миши не соответствуют её статусам. Если в этой ситуации рассматривать эти две оценки, как минимум одна из них будет на уровне интерпретаций или обобщения противоречить уровню фактов.

И кто-то «уже никогда не сможет обозначить белый цвет».

Эффект значительно усилится, если это рассмотрение оценок будет в ситуации, когда кроме этих двух людей оценки видит кто-то ещё из окружающих людей. Ведь их восприятие Маши и Миши будет именно по этим искажённым словам.

Плохая ли Маша? Плохой ли Миша? Нет, оба работают по одной программе и, вы удивитесь, ради одной цели. Просто ожидания не совпадают с реальностью, а это совпадение – тот самый критерий, который отделяет мух от котлет в вопросе «свой-чужой».

Важный момент, который хотелось бы отметить в этом

примере. Наделение статусами (а вернее, степень соответствия между ожиданиями и получаемыми статусами) напрямую влияет, если не сказать определяет, то, насколько Маша желает Мише выживания в группе. Я вернусь к этому определению чуть позже.

Об ожиданиях, и почему они не совпадают с реальностью.

Самый очевидный ответ, почему ожидания не совпадают с реальностью, в том, что ожидания никогда не озвучиваются – о них никто не знает. А раз никто не знает, то никто и не стремится их выполнить.

Но тогда возникает вопрос: «Как же так? Разве я не говорю, что хочу? Разве я не слышу, что говорят другие? Да и вообще все эти рассуждения об общении и статусах – разве не об этом? Не об ожиданиях?».

Кто-то действительно не говорит ничего. Просто полагает, что все вокруг обладают одним и тем же набором ценностей и мотивов, хотят одного и того же и видят жизнь с одними и теми же «хорошо» и «плохо». Верят и изо дня в день обжигаются, наступая на одни и те же грабли. Их блок – в том, что они не видят возможности для своей ошибки.

Разгадку ситуации людей, которые всё же говорят, я описал выше между строк – наш язык не так прост, как это кажется на первый взгляд, и слова на самом деле означают больше, чем мы имеем в виду, произнося их, а у каждого

слова несколько значений. И наоборот, одно и то же понятие, событие или явление мы можем описать разными словами. Какое-то будет более точным, какое-то – менее.

Печально, но ведь многие люди на самом деле действительно озвучивают свои ожидания. Пытаются донести их в виде рассказов о мечтах и симпатиях к людям, чьи образы или жизненные пути им близки, в виде своего выбора между тем, что привлекательно, а что нет, в виде прямых требований, указаний и пожеланий, наконец. И тоже встречаются с обжигающими граблями непонимания. Их блок – вера в то, что какое-то слово означает одно и то же для всех остальных.

Откуда такая неразбериха? Зачем она?

Логика мыслей каждого отдельного человека простая: если я говорю и делаю вот **так**, то меня вот такие-то люди (и/или я сам) смогут назвать праведным/скромным/ честным/добрым и так далее (нужное подчеркнуть), это «всеми ценится», а это значит, что на меня не будут нападать, я проживу подольше. Как Маугли кричал стаду быков: «Мы с тобой одной крови, ты и я», так и в нашем цивилизованном обществе язык, по сути, выполняет ту же роль – делит на своих и чужих, позволяя относить человека к тем же социальным группам, в которых и мы сами хотим быть.

Перечень эпитетов – это перечень групп, которые в процессе развития, воспитания и накопления опыта по жизни человек привык считать наиболее жизнеспособными.

«Всеми ценится» – это учёт мнения ревизоров, предположение о том, какие у них критерии оценки, что они видят и чего не видят, как сами зависимы от меня и т. п. – всего того, что входит в формулу, которая, по мнению человека, определяет желаемую оценку ревизоров.

При этом все прекрасно знают или чувствуют две вещи, которые остаются за кадром и буквально не озвучиваются: во-первых, мы принимаем как должное то, что у всех нас одинаковые варианты понимания слов, во-вторых, есть такие мысли и мотивы, которые не принято говорить вслух. А намёк на них будет всячески отрицаться.

Вася говорит Маше «давай встретимся, выпьем по чашке кофе». Это может означать как «выпить по чашке кофе», так и намёк на что-то совершенно иное, что как-то логически связано с кофе.

Встреча двух людей, подходящих друг другу по либидо, означает только одно – ритуал, в котором будут найдены оправдания для будущего союза и отыгрыша соответствующих ролей. В самом простом ритуале для обоснования отношений достаточно лишь генетической совместимости, которая определяется подсознательно и осознаётся, как симпатия. Соответственно, если Маша предполагает в Васе предрасположенность к простому ритуалу, она воспримет приглашение на кофе как приглашение в постель.

Как видно, степень этого намёка (при одних и тех же произнесённых вслух словах) сильно зависит оттого,

какое место в картине мира Маши занимает Вася.

И не только Вася, но и сам ритуал, и его отношение к нему. И мысли Маши о том, какое у неё, по мнению Васи, отношение к нему и ритуалу.

Целый ворох предположений! Которые остаются за рамками сказанных слов и лишь предполагаются...

Даже если Вася об этом явно не задумывается, он, в меру своей образованности, культуры и эрудиции будет подбирать слова так, чтобы, предполагая картину мира Маши, влиять на её отношение к себе и предмету предложения.

Печально, но слова по своему смыслу очень сильно отличаются от оригинального значения – того самого понятия, которое знают все говорящие, которое получится статистически, если собрать мнения их всех. Чем чаще слово используется в подобных манипуляциях ради получения какого-то отношения, и чем сильнее те чувства и потребности, которые остались неозвученными (скрытыми за словами), тем больше вероятность отличия между сказанным словом и связанными с ним ожиданиями. И тем выше вероятность разочарования.

Почему я говорю о вероятности?

Потому что ожидания у обоих говорящих могут отличаться от сказанного вслух «в одну и ту же сторону». В этом случае (подчёркиваю – это случайность) оба, когда осознают реальный смысл сказанного, увидят подтверждение своим ожиданиям, отметят это в виде соответствующих поло-

жительных статусов друг друга, начнут больше друг другу доверять и в будущем будут ещё больше говорить. Без умолку. Хотя мнение совпало лишь по одному вопросу, они будут полагать, что картины мира у них одинаковые...

До тех пор, пока Его Величество Случай не покажет им другие 50 % вероятности. Отсюда и печаль.

С годами и поколениями из языка и культуры совсем пропали целые огромные области взаимоотношений. Они стали запретными. Хотя все их знают и чувствуют и вынуждены намекать, а не говорить прямо.

Например, не принято обсуждать отношения любовников, они считаются неправильными, грязными, порочащими. Появилась куча ярлыков вроде «воспринимать человека как кусок мяса», «нужно лишь тело» и т. п. И чтобы самому не показаться «таким» и тем более не задеть человека, высказав предположение, что вдруг собеседник «такой», в разговоре используются какие угодно метафоры и попросту совершенно неподходящие по смыслу слова, чтобы завуалировать эту идею. Все понимают, о чём речь, но при случае у всех есть возможность шага назад: «мы говорили о другом!», «мы всего лишь друзья!» и пр. И ведь не намекать тоже не могут! Ведь это инстинкт, от него никуда не деться. Даже если человек сам в себе это отрицает, его всё равно тянет (см. ниже «Мотивационные роли»),

7. Правильное понимание слов

*«Открытия приходят лишь к тем, кто
подготовлен к их пониманию»*

Луи Пастер

Ожидания конкретного человека строятся на том, насколько он честен сам с собой в осознании своих мотивов (см. также «Уровни осознанности»). Ожидания усиливаются или ослабевают за счёт того, в какие слова (статусы) он облакает свои мотивы – насколько ему важны эти статусы, а также того, какую реакцию на слова он видит в окружающих.

Поскольку все мы играем в статусы и искажаем смыслы слов, мы никогда точно не знаем, насколько правильно понял нас человек.

При этом подавляющее большинство однозначно относит себя к группам умных и красивых людей (достойных выживания). И это для людей сразу же определяет рамки восприятия чужой реакции: никто просто не допускает мысли (я утрирую, конечно же, речь лишь о степени веры), что его великолепно структурированную, логичную и доступную речь кто-то может не понять, что его отточенными движениями, всегда подходящими к месту жестами и вообще великолепной внешностью могут не восхищаться, или что его, самого лучшего из людей, могут сознательно обманывать. Быть такого не может!

Это барьер восприятия себя, который не позволяет людям понимать друг друга в полной мере точно. К сожалению, он напрямую проистекает из инстинкта самосохранения (см. ниже «Ответственность перед группой») – если человек не будет думать о себе в такой превозносящей форме, он не будет верить в необходимость для группы своего выживания.

Логичный вывод (забегая чуть вперёд): самые честные с собой и остальными люди – смирившиеся со своей смертью или как минимум недолговечностью и, как следствие, стремящиеся развивать себя, а не накапливать блага. Которые не заберёшь с собой.

Их ожидания в большей степени совпадают с их словами, чем у тех, кто верит в своё бессмертие – пытается съесть и накопить как можно больше. Но о ценностях чуть позже (см. ниже «Ценности»),

Получается, врать никто не хочет, но вынужден делать это, превознося себя в любом общении, чтобы прожить подольше и получше. Надеясь себя такой оценкой, которая потенциально выше реальной.

Я сейчас говорю не об оценке значимости себя для группы, я говорю об оценке адекватности самих себя (см. ниже «Душевная боль»). Эта оценка настолько высока, что не даёт возможности даже задуматься о том, что человек может вести себя неправильно – стремиться не к тому, говорить не то, верить не в то.

Зачем неразбериха? Почему я вообще задаюсь этим

вопросом – «Зачем»? Это тайный социальный лифт в культуре, лазейка для обхода системы. Лазейка эта прямо пропорциональна скорости накопления благ и сложности механизма их распределения в обществе.

Неразбериха в языке и ожиданиях – основной инструмент модели поведения, при которой перераспределение благ может идти не только по наиболее эффективной иерархии, но и в обход и даже в обратную сторону. И это является эволюционным следствием увеличения плотности населения от 100–200 особей, окружающих говорящего, до десятков и сотен тысяч. Хитрый человек, не имеющий социального статуса, чтобы рассчитывать на определённый объём благ, всегда может манипуляцией со словами преподнести себя таким образом, чтобы блага эти получить.

Если раньше для демонстрации выдающегося уровня жизни, гарантирующего максимальную безопасность, достаточно было наглядно показать здоровье, силу и необходимый для выживания инструментарий, то что нужно для такой демонстрации сегодня? Когда блага можно получить сотнями различных путей, а модели поведения можно менять в течение жизни, адаптируясь к окружению. Зачем нам иметь однозначно интерпретируемый язык?

Язык с однозначным значением слов, которым нельзя было бы манипулировать, идеально подошёл бы для общества, в котором справедливость не случайна и не наследуется, а зависит от природных возможностей

человека.

Язык, в котором неоднозначность смысла является нормой, является одним из столпов общества, в котором справедливость считается данностью не природы, а человека. Ну или Случая – случайность ведь лучше, чем «без шансов».

Пример всё тех же Маши и Васи с его предложением встречи.

У Маши есть мотивация – желание получить что-то. Например, безопасность. Маша говорит что-то Васе, рассчитывая вызвать его лояльность, а то и уважение. При этом действительно рассчитывает на это, верит его словам об уважении.

В то же время Вася мотивирован на секс, например. Он не может сказать об этом прямо, культура запрещает об этом говорить. Но культура позволяет стать ближе тем людям, которые друг друга выделяют из толпы и дали друг другу уникальные статусы «это мой человек». Для этого выделения из толпы нужна определённая степень доверия (количество накопленных положительных статусов), и вера друг в друга.

И Вася говорит Маше что-то, чтобы поддержать эту веру и спровоцировать её на ещё большую лояльность. Что соответствует её ожиданиям и повышает доверие.

Какой итог истории, мы все знаем – Вася ушёл к Наде, сердце Маши разбито, и Петя, приглашая её на чай, получит отказ. Ожидания не оправдываются.

В понятиях статусов и теории игр можно рассматривать

не только отношения человек-человек, но и человек-общество. Например, можно по-другому объяснить механизмы, по которым работают уровни потребностей, описанные А. Маслоу. Рассмотрев изменения языка и моделей поведения в разрезе изменений уровня жизни, предлагаю переосмыслить мотивационную модель.

Я считаю, что мотивация всегда одна и та же (см. ниже про «Ответственность перед группой»), модели поведения определяют не направление, а способ удовлетворения. А удовлетворяется в общем-то одно и то же – то, что даёт человеку гарантии его смысла. В частных случаях эти способы можно классифицировать по масштабу – насколько мощным и долгосрочным будет эффект от действия человека для его удовлетворённости, насколько «автоматизированной» и косвенной будет добыча ресурсов для удовлетворения.

Почему я говорю о частном случае? Дело в том, что высшие классы моделей поведения доступны лишь в определённой среде – при некотором обществе вокруг, в определённой культуре, в определённом кругу, при определённом техническом уровне производства благ.

Сомерсет Моэм говорил: «В добродетельных поступках всегда проскальзывает нотка удовольствия. Человек совершает поступки, потому что они хороши для него. А если они оказываются хорошими и для других людей, вы считаете его добродетельным.

Вы даёте двухпенсовик никчёмному попрошайке для

своего собственного удовольствия точно так же, как я выпиваю стаканчик виски с содовой – для своего».

По уровням:

1. Физиологические потребности (энергия) – голод, жажда, половое влечение и т. п.

На этом уровне люди прямо говорят, чего хотят. Им не до реверансов и этикета, им всё равно, как отреагирует на них толпа и какие статусы они получат, так как если в ближайшее время они не получат удовлетворения потребности, они умрут и им уж точно будет всё равно, что там будет дальше.

В результате действий, мотивированных на этом уровне, человек получает удовлетворение здесь и сейчас. Именно в том количестве, какое здесь и сейчас нужно. Автоматизация минимальная – сколько наработал, столько и съел. Соответственно. Мысли о каком-то там завтра – минимальны.

Действия направлены на одного человека или даже не на человека, а на природу.

2. Потребность в безопасности (свобода) – безопасность существования, комфорт, постоянство условий жизни.

Действия человека, мотивированного на данном уровне, направлены на создание среды, в которой удовлетворение хотя бы на минимальном уровне будет бесперебойным – есть поток благ, который никто не отнимет.

Человек готов работать 24 часа в сутки, лишь бы быть уверенным, что в любой момент времени у него есть возможность удовлетвориться. Автоматизация средняя – чело-

век при данной мотивации может работать непосредственно не над тем, что удовлетворяет его потребности, а над чем-то другим, что потом продаст, обменяет и т. п. с более «выгодным курсом» в части пропорции между вложенными силами и полученной удовлетворённостью.

Действия человека при этой мотивации направлены на одного человека – того, кто распределяет ресурсы.

3. Социальные потребности (принадлежность) – социальные связи, общение, привязанность, любовь, сотрудничество.

Модель поведения с такой мотивацией доступна только в тех средах и культурах, где от общепризнанного социального уровня человека необъективно зависит его благосостояние, а технологический уровень позволяет высвободить какое-то количество времени в сутках на непроизводственную деятельность. Условно назовём такую среду – иерархичной толпой.

Человек вместо добычи непосредственно еды и тепла ориентируется на получение определённого набора статусов, которые потом могут быть конвертированы либо в те самые блага, которые нужны, либо в следующие ступени статусов – читай, дающие ещё более выгодную пропорцию между вложенной работой и полученной удовлетворённостью.

Действия человека, мотивированные на этом уровне, по уровню удовлетворения примерно такие же или немного эффективнее, чем на предыдущем уровне, – разница в беспре-

ребойности и гарантиях, а также в том, что человек осознаёт, что «кормушка не одна» и есть много людей, от которых можно получить желаемое. На практике разница с предыдущим уровнем в том, что от собственноручного производства и захвата благ человек в поступках переходит к манипуляции людьми. Будучи ревизором, он управляет статусами людей, и за своё расположение получает необходимые ему для удовлетворения ресурсы.

Автоматизация получения ресурсов при такой мотивации высокая – человек, по сути, уже не задумывается о непосредственно ресурсах, которые ему нужны для удовлетворения (сон, тепло, секс), вместо этого он ориентирован на те статусы, которые позволяют бесперебойно получать эти блага. При этом происходит подмена понятий, и вместо непосредственно желаний человек мыслит категориями статусов и дающих их групп. Хотя на самом деле если разложить по полочкам эти группы и статусы, мы увидим, что это именно тот самый состав, который определяет бесперебойную поставку благ. Никакой мистики, никакой духовности и т. п. Действия человека направлены на группу людей, которые влияют на людей, распределяющих ресурсы (источников может быть много).

4. Потребность в уважении и признании (эффективность) – социальные связи, общение, привязанность, любовь, сотрудничество.

Модель поведения в той же самой иерархичной толпе,

только при том условии, что человек обладает некой уникальностью. Ну или хотя бы убеждён в этом (см. ниже про кооперативные игры). Мотивация, соответственно, направлена на то, чтобы за счёт этой уникальности оказаться на такой эффективной жизненной позиции, которая при использовании стандартного социального лифта невозможна.

Действия человека, мотивированные на этом уровне, призваны приносить столько удовлетворения, что его можно запасать на будущее с избытком. При этом они направлены на людей, стоящих в иерархии производства-потребления далеко от уровня непосредственной ручной работы, то есть опосредованно на данном уровне человек начинает своими действиями управлять статусами, важными для сотен и тысяч людей.

Автоматизация получения ресурсов максимальная, человек перестаёт называть вслух свои непосредственные потребности, получая весь комплекс удовлетворяющих его благ от массовки людей, находящихся под его влиянием (для которых важен его уникальный статус). Вслух называются какие-то такие характеристики, которые формально для удовлетворения неважны, но чьё существование невозможно без существования того самого, чем непосредственно удовлетворяется потребность. Например, «здоровая еда» или «полезная еда» – уже содержат в себе саму «еду».

5. Познавательные потребности (общество, кооперация) – знать, понимать, уметь, исследовать.

Модель поведения с такой мотивацией доступна только в иерархичной толпе, в которой культурно не запрещён рост и развитие личности – условно это иерархическая толпа с имитацией справедливости.

По сути, это мотивация человека, работающего на уровне социальных потребностей, потратить свободное от работы время на развитие в себе чего-то такого, чтобы перейти к уровню уважения и признания. Уровень удовлетворения примерно тот же. И сами средства получения удовлетворения те же – продажа статусов за ресурсы.

Однако на этом уровне появляется ещё кое-что. Сами по себе эти мотивы развиваться являются отличным выражением основного инстинкта в части обучения (см. ниже «Обучение»), просто на уровнях ниже на обучение не хватало времени. Для Творцов этого уровня все уровни ниже становятся отличными потребителями идей, расплачиваясь за эти идеи гарантированным потоком благ.

Уровень автоматизации получения удовлетворения стремится к максимальному – человек ищет пути к такой автоматизации, при которой ему не нужно будет думать о ресурсах.

Количество людей, на которых оказывается влияние, зависит от выбранной сферы развития.

6. Эстетические потребности (уникальность, охват всех ресурсов мира) – гармония, порядок, красота.

Модель поведения с такой мотивацией доступна только в среде с очень высоким уровнем автоматизации добычи ре-

сурсов или у людей, для которых ценность вложенных в своё удовлетворение сил и времени несравненно мала по сравнению с ощущением этого удовлетворения. Иначе говоря, когда потребности в любви, защите и еде удовлетворяются практически без трудозатрат со стороны самого человека.

Мотивация может рассматриваться как частный случай, ведь в моменты сытости и душевного комфорта все мы, если чем-то в своих поступках и мотивируемся, то именно этим самым уровнем. А может рассматриваться и как целевая – в масштабах всего человечества. На некотором техническом уровне развития.

Отмечу важную, на мой взгляд, деталь. Покупка картины известного художника, скорее всего, говорит о мотивации на уровне потребности в уважении и признании. А чтение книг по психологии и философии в большинстве случаев ведёт не к гармонии в душе, а к превосходству индивида над толпой в виде повышенной эффективности предсказаний и переговоров. То есть говорит о мотивации на уровне максимум познавательных потребностей (ориентировочно поисковая реакция). Не стоит путать.

7. Потребность в самоактуализации (лидерство, творчество) – самовыражение, реализация целей, развитие способностей.

Мотивация направлять других людей, спасти их души – это частный случай мотивации на красоту и порядок, при котором человек знает (или верит), как именно достичь ис-

комой гармонии своим личным воздействием на окружающий мир.

Таким образом, по степени автоматизации получения благ можно выделить всего четыре уровня. Опишу характер потока получаемого удовлетворения, чтобы показать, почему пирамида выстроена именно в этом порядке:

1. Непосредственная добыча. Удовлетворение неполное и несистемное (нерегулярное, непредсказуемое).

2. Получение благ через родителя/босса/хозяина. Удовлетворение неполное, частично системное (регулярное, непредсказуемое).

3. Получение благ оттолпы (массовки). Удовлетворение неполное, системное (регулярное, предсказуемое).

4. Автоматическое получение благ без усилий. Удовлетворение полное и системное.

Именно поэтому мотивации сменяют друг друга при развитии личности – в своём развитии люди стремятся к более простому (автоматизированному) и гарантированному способу получения удовлетворения. Вряд ли тут стоит говорить о каком-то «более высоком» или «более духовном» – речь тут о более простом и массовом, не более. Как это ни претит людям творческих профессий... Лени – двигатель прогресса. И ниже мы подробно поговорим и о лени, и о её значении и смысле, и о том, как и чем отличается автоматизация от осознанности.

Пример свехурочной работы. Все работают ради чего-то

такого, перед чем испытывают восторг (разберём это подробнее ниже, в главе про Любовь). Эмоции плюс-минус одинаковые, внешне выражаются похоже, поэтому и называют **это** что-то одними и теми же словами. Примерно с одним чувством. С одним придыханием.

Только вот в одном случае это «главная макака сказала, и стая побежала подчиняться» с восторгом от её авторитета. А в другом случае человек получил сигнал от индивидуального договора с группой и побежал выполнять свою роль, восторгаясь идеей о процветающей группе (механизм договоров с группой также разберём ниже).

Осознанность потому и бывает разных уровней, что у нас в головах перемешаны реальные и идеальные объекты. Кто-то получает «приказ» от реального объекта (чувствуя за ним идеальное), кто-то получает «приказ» от идеального напрямую. Уровень осознанности, по сути, определяется умением (читай, знаниями) человека видеть разницу.

Нельзя сказать, что есть плохие и хорошие люди. Плохих людей нет. Есть те, кого неправильно поняли или кого не приняли. И отношения с ними выстроены неправильно – не для понимания и достижения общих благ (что было бы дружбой, см. ниже «Мотивационные роли»), а для пользования друг другом.

Я бы сказал, что выстраивать отношения с людьми просто. Нужно говорить честно о том, чего тебе в жизни не хватает. Спрашивать, слушать и **слышать**, чего не хватает дру-

гому человеку.

Если совпало – не терять времени и жить. Если не совпало, прикинуть на себя – а смогу ли я жить с этим? Смогу ли, если мы **воттак** обменяемся? Если он мне даст в жизни **это**, а я ему – **это**. Если смогу – не терять времени и договариваться. Называя при этом вещи своими именами, а не пытаюсь манипулировать. Брать, что дают, отдавать, что можешь и что нужно другим.

А если принять обмен из-за каких-то установок невозможно, лучше рассказать об этом – и о своих ожиданиях, и о невозможности, и о самих установках – вдруг ожидания не так уж важны и от них можно отказаться? Ну а уж если ожидания важны и принципиально несовместимы, стоит попроситься с человеком, пожелав ему всего хорошего. Опять же, чтобы не терять времени жизни ни своего, ни его... Время – самое ценное, что у нас есть.

Могут ли быть какие-то установки, какие-то законы или правила, позволяющие быть всем людям удовлетворёнными в равной степени? Можно ли построить такие отношения, в которых будут только тепло, доверие и счастье?

При таком-то неоднозначном языке? При таком-то непонимании?

Я считаю, что это возможно. И в этой книге я постараюсь описать такой образ мышления, при котором это станет возможным. Почему я так уверен? Как я могу это доказать?

Доказательства у нас всех перед глазами, их тысячи, де-

сятки тысяч, вот только никто не придаёт им такого значения, какое я увидел в них.

Это афоризмы.

Установки и концепции, которые выше ценностей, модели поведения и правила восприятия, которые выше каждого из нас. Это фразы, которые описывают суть явлений и событий на уровне закона (см. выше «Уровни посланий»).

И одним своим наличием они, очевидно, доказывают следующее:

Во-первых, внутренние установки человека неизменны. Сколько лет прошло с формулировки самых древних афоризмов и крылатых фраз? Пять тысяч лет? Шесть? Сколько поколений с тех пор появилось и ушло в землю? Сколько раз радикально менялись технологии, политическое и культурное окружение, которые, казалось бы, определяют суть нашего восприятия и поведения?.. А ведь не повлияло всё это. Есть в человеке, во всех людях что-то такое, что не зависит от принятых в обществе культурных обычаев, семейного уклада, ценностей, морали, способов добычи и делёжки ресурсов – от всего этого.

Во-вторых, есть принципиальная возможность сформулировать и донести мысль до миллионов людей так, чтобы она была понятна им одинаково. Это может быть идея о культуре, о быте, об осознании себя и людей вокруг, об отношениях с этими людьми, о самих ценностях. И, пользуясь приёмами афоризмов, есть возможность сохранить на бумаге суть

этого послания.

В-третьих, раз уж от нации к нации человек руководствуется одними и теми же императивами и их можно выяснить, можно что-то сказать и о самом человечестве. Как и о таких глобальных понятиях, как смысл жизни, например. Предположить их суть. И увидеть всё человечество целиком. Именно на общности афоризмов базируется возможность формулировки единых для всего человечества понятий. Насколько мне известно, никто ещё не формулировал установки человека в чистом виде, хотя психологи XX–XXI веков вплотную приблизились к этому. Попыток много – это и религии, и светские законы, и мораль с ценностями в основе, и науки о человеке и его месте в обществе. Но все эти попытки направлены на выживание какой-то отдельной группы людей, государства, нации, семьи, друзей и т. п., а не всего человечества в целом. Плюс, я не знаю ни одной такой попытки, в которой психология доказывала бы философию, и наоборот. А ведь это как раз и есть один из базовых законов. Ведь наши инстинкты направлены на выживание именно человечества. И именно в этом ошибка всех тех интерпретаций афоризмов, которые мы имеем в быту. Мы их понимаем, как слова о человеке, его жизни, его отношениях. А на самом деле они о части целого, а то и о самом целом.

Само существование афоризмов говорит о том, что вместо защиты своего маленького клочка есть возможность увидеть суть и сформулировать общий закон счастья, защитить

всё человечество и направить его потому самому пути, для которого оно было создано.

Формулировки, слова и сами по себе идеи, используемые в крылатых фразах и афоризмах, близки по своей форме и сути к стихам. Не обращали ли вы внимание на то, сколько философов среди поэтов? Совпадение? Не думаю.

Думаю, что понимание сути языка и содержащихся в нём статусов и приёмов работы с ними даёт понимание культуры общества. Понимание культуры представляет собой знание о человеческой природе, прорывающейся сквозь принятые в этой культуре модели поведения личности в толпе и способы упорядочивания (понятие справедливости, догмы добра и зла, ценности и т. п.). Причём, знание на уровне обобщения (см. выше «Уровни посланий»).

Речевые конструкции такой сложности редко используются в быту и именно по этой причине не доступны большинству. Жаль. Ведь при таких знаниях меняется мышление и само по себе отношение к людям.

Модель проблемы

8. Понятие проблемы

*Если освободить проблему от эмоций,
останется лишь ситуация*

Чтобы говорить на одном языке, начну с утверждения конкретных смыслов слов, важных для понимания дальнейшего текста книги. Представлю понятие «проблемы» в виде модели из трёх составляющих.

Первое.

Потребность.

Потребность – нужда человека в чём-то, побуждающая его действовать. Часть бытия человека, которая, не будучи удовлетворённой, вызывает беспокойство или дискомфорт. На бытовом уровне часто путается с желаниями, инстинктами, мотивацией, целями и другими смежными понятиями. Путаница усугубляется тем, что одни потребности могут вытесняться или компенсироваться другими, более высокими и значимыми (в конкретных условиях). При этом если не задаваться вопросами природы потребностей, можно пребывать в иллюзии, что подавленная или компенсированная по-

требность исчезает.

И ещё больше путаницы вносит хвалёное сознание – потребностями принято считать лишь те мотиваторы, которые осознанны и объяснены рационально. В то время как на самом деле абсолютное большинство потребностей как раз и не осознаётся, а просто в какой-то степени направляет внимание и пути человека.

Например, любой читатель, раз уж он взялся читать эту книгу, имеет перед собой какую-то проблему. Какую-то потребность. Если читатель прошёл через рефлексию и обозначил для себя какие-то причины, он имеет конкретные слова объяснения своей мотивации, но это не значит, что его мотивация – именно эти слова. Потребности, которые читатель пытается решить, читая и развиваясь, значительно шире и многограннее, чем рационализированные и озвученные. Иными словами, каждый раз, когда у нас формируется потребность, само это её формирование, по сути, – формирование критериев её удовлетворения.

Кстати.

Любая стоящая перед нами задача, стоит лишь потому, что у нас есть всё для её решения. Чистая логика.

Иначе, без этих вводных, мы бы не видели её как задачу, а воспринимали бы как данность. Как стихию, находящуюся не в зоне внимания, а лишь где-то... Просто вокруг.

Мы когда-то видели, воспринимали, чувствовали

и переживали всё то, что составляет сейчас клубок ассоциаций, составляющих и саму по себе проблему, и её решение. Как только этот клубок дорастает до того объёма, чтобы можно было выделить задачу из ряда стихий и в этом отделении показать смысл её решения, этот смысл становится для нас частью нашего смысла. С этого момента мы начинаем воспринимать эти ассоциации не как часть неподконтрольной реальности, а как возможную точку приложения ответственности и сил для увеличения своего собственного смысла. А часть реальности, которая раньше была лишь неподконтрольным и неважным «вокруг», становится задачей.

На самом деле подавленная или компенсированная потребность не исчезает. Давайте разделять понятия.

Человек чувствует себя несчастным, ему одиноко и грустно, он хочет изменить эту ситуацию, хочет радоваться, хочет счастья. Это потребность. В эмоции.

Человек смотрит вокруг, общается, узнаёт людей и видит, что они тянутся к сильным, стремятся реализоваться, стремятся к идентичности и общности одновременно. И быть среди них похожим на всех и в то же время выделяющимся своим успехом – это залог улыбок, общения и радости. А для этого необходимы определённые известность, образ жизни, статус, окружение. Необходимость определённого конкретного и специфичного окружения – тоже потребность. Как же завоевать или заслужить внимание этих людей? Как полу-

читать их высокие оценки? Человек опять смотрит по сторонам и видит, что рядом есть группа людей, похожая на ту, что окружает и его самого, и в ней особым почётом пользуется человек, едущий на машине определённой марки Икс. Значит, и ему нужна Икс? Да. И это тоже потребность.

А для того, чтобы получить Икс, можно... И тут десятки разных возможных путей. И каждый из них, будучи выбранным, тоже превращается в потребность. И через многие из этих путей будет сквозить необходимость соблюдения определённого поведения с окружающими людьми, выполнения каких-то ритуалов и норм, вроде уважения, этикета или, наоборот, напористости и беспринципности. Само по себе соблюдение этих ритуалов и отыгрыш роли тоже сам по себе становится потребностью. Если человеку не дать возможности вести себя так, как ему привычно и нужно, ему будет плохо.

И так далее.

Если идти от инстинктов к конкретным действиям конкретного человека, мы несколько раз будем проходить какой-то уровень, который в тех или иных кругах называется потребностью. Тут и сама эмоция, и определённое взаимодействие с миром для получения этой эмоции, и необходимость в средствах для этого взаимодействия, и ещё несколько других уровней выше. И люди часто не задумываются о том, что машина Икс, в которой они якобы нуждаются, на самом деле никакая не потребность. А лишь один из способов

удовлетворить (или регулярно удовлетворять) потребность более низкого порядка. Желание второго порядка, выражаясь терминологией Гарри Франкфурта.

Более того, ориентируясь на одну из потребностей, человек легко настраивается на минимизацию значимости каких-то других, и эта настройка варьируется в зависимости от конкретной ситуации.

Например, зарабатывая на машину Икс, человек игнорирует свою усталость и ухудшения в личных отношениях. И это воспринимается как норма. Хотя эти аспекты жизни реализуют желания второго порядка для каких-то других потребностей. Бесспорно, человек видит это ухудшение, чувствует расстройство из-за этого, говорит, что «сейчас же всё поменяет», но на деле продолжает. Разве это говорит о том, что у человека пропали эти потребности? Нет. Они всего лишь удовлетворены в большей степени, чем то, что человек делает сейчас. В состоянии крайнего истощения человек точно не будет думать о машине, он будет думать об отдыхе и еде. А после долгого одиночества или особо мощной «дозы» порицания человек будет мечтать о том, чтобы хоть кто-то ему улыбнулся.

Мы делаем выбор, что делать в жизни, исходя из своих потребностей, но не стоит думать, что то, что мы делаем – и есть наша потребность. Существует несколько классификаций потребностей, призванных упорядочить и понять их. Биологические, социальные,

идеальные, информационные, «рефлекс свободы» и те же самые порядки потребностей и так далее – все эти слова позволяют разбить весь спектр возможных направлений мотивации человека на участки, легко и наглядно соотносимые со знакомыми и понятными всем действиями. Без абстракции и системы. Мы называем направление мотивации по тем эмоциям, явлениям, действиям или результатам, к которым эта мотивация при выполнении приводит. А не по источнику потребности.

Спектр потребностей человеческого организма неизменен от рождения и до смерти и неразрывно связан с показателями успешности жизни человека (см. далее «Показатели успеха жизни»). Выбор конкретных способов удовлетворить каждую из потребностей определяется опытом человека, доступными ему ресурсами, его окружением и многими другими факторами, ни один из которых не является врождённым, они все внешние. Или, по крайней мере, в момент появления были внешними.

То, что мы гордо именуем личностью, является лишь устоявшимся на данном жизненном этапе комплексом моделей поведения, нацеленных на удовлетворение потребностей. Именно в этом различие между людьми – в способах и методах удовлетворения.

Разница в способах и методах возникает, потому что между потребностью и её удовлетворением стоит препятствие, и у каждого человека и каждой его потребности эти препят-

СТВИЯ КАКИЕ-ТО СВОИ.

В примере выше я разобрал понятие потребности на примере «залога улыбок, общения и радости» и описал целый ряд производных, то есть потребностей второго, третьего и далее порядков – люди, группы, машина Икс и так далее. Отмечу важный момент. Изменение уровня осознанности происходит с изменением этих самых потребностей второго, третьего и далее порядков, как и приоритетов между порядками. Например, по мере личностного роста человек может начать удовлетворять потребность в группе другим способом, не через уважение из-за машины Икс. Соответственно, изменятся и приоритеты.

Второе.

Препятствие.

Что мешает людям любить? Всей душой, честно, открыто, забывая обо всём на свете и не думая о завтра? Глядя вокруг, мы видим обман и ложь, а в учениях родителей и традиций мы видим предостережения о человеческой природе. Природа эта человеческая, может быть, не так уж и плоха, когда речь идёт о любом отдельно взятом человеке, но когда мы говорим о толпе, то в разборе мотивации каждого отдельно человека в этой толпе стоит учитывать его конкуренцию с остальными людьми.

Когда ресурс ограничен, обмануть ближнего своего становится порой обязательным и необходимым условием выживания. А в толпе ресурс очень ограничен... Не бывает двух

первых. Если кто-то первый, значит, все остальные уже по определению не первые. И когда тебе кто-то доверяет и открывается и готов быть с тобой одной группой, мотивацию человека разрывает на куски. С одной стороны, личные отношения, с другой стороны – конкуренция. И далеко не всегда вот этот человек, сидящий напротив, оценивается так же высоко, как Я.

Какие бы тут ни были конкретные культура и ситуация, риск того, что «забывая обо всём на свете и не думая о завтра» обернётся простым использованием, весьма высок. И человек сам же не может забыть о своём завтра... Ведь если его используют, никакого завтра у него уже может и не быть.

Это и есть Препятствие.

Есть, конечно, объективные препятствия, мешающие удовлетворению потребностей, как например, невозможность выжить в клетке со львом или неизбежно чередующиеся времена года, со всеми их разнообразными погодами, голодом и сытостью, лёгкостью и тяжестью одежды и т. п.

И всё же подавляющая часть препятствий проистекает из текущего положения человека и его родной культуры – это логические ограничения, которым человек подчиняется, отвечая на вопрос, какая из потребностей ему важнее и, следовательно, какую из потребностей ограничить. В т. ч. свою потребность или чужую. В примере выше ответ такой: любить людям мешает страх за своё будущее. Быть обманутым означает снизить шансы этого самого будущего, и выбирая

между шансами успешной жизни, если так и нашёл любовь, и шансами успешной жизни, если не обманут, человек в толпе чаще выбирает второе.

Третье.

Развивающее действие.

Суть любого развивающего действия – в изменении статуса либо через собственное развитие, либо через подмену понятий. Под развитием я имею в виду изменение себя в глазах оценивающего, то есть рост в иерархии, если оценивающие – окружающие, и приближение к успеху жизни, если оценивающий – я сам. Например, суть искажений языка (множество смыслов у одного слова и, наоборот, название одного понятия разными словами) состоит в том, что человек, желающий вступления в социальную группу, но не имеющий на то визы ревизора, рассматривает ситуацию именно так:

1. Потребность – группа из таких-то людей. А если быть точным, потребность, на самом деле в том, что именно эти люди мне дают (обычно, статусы, мнение, любовь или отсутствие страха). Конкретные люди.

2. Препятствие – оценка меня ревизором этой группы по какому-то параметру, который у меня неудачный, неподходящий. Как следствие, я не принят в группу. Не чувствую любви. Чувствую страх.

3. Решение – посмотреть, на основании каких понятий построена эта группа, и создать свою собственную группу.

Придумать своё значение этих понятий, свой статус, который сформирует новую социальную группу, в которую будут входить все те же самые члены, конкретные люди, что и в первую (с допустимыми искажениями) + я сам, но у этой новой социальной группы будут совсем другие ревизоры. Например, опять же, я сам.

От абстракции к примеру:

Мише нравится Маша, но Маша считает Мишу недостаточно умным, потому что ей мама так сказала.

Миша, видя, что Маша высоко ценит ум, подменяет его на «начитанность» и сообщает Маше, что прочёл 200 комиксов.

Если уловка удаётся, Маша начинает верить, что количество прочтённых комиксов определяет ум, Миша в её глазах превращается в умного, а в группе «умных людей» ревизором становится Миша вместо мамы, потому что 200 комиксов за плечами есть только у него. Далее уже он будет определять для Маши, кто умный, а кто нет.

Другим примером проблемы может быть «Иллюзия конца истории».

Суть в том, что в каждый момент времени мы уверены, что большинство изменений – в прошлом. Что текущее состояние – это финал, наивысшая точка развития моего Я. Не нужно сейчас бить себя пяткой в грудь и доказывать, что это не так. Действительно, единицы людей в толпе трезво и осознанно считают себя несостоявшимися, идущими по пу-

ти изменений, и при этом не сходят с ума и не погружаются в депрессию от самобичевания. Видеть себя на коне по сравнению со всем оставшимся позади прошлым – это приятно, потому что это знаменует правильность пройденного пути (смысл достигнут).

Видеть себя в начале пути изменений равнозначно отрицанию своей состоятельности не только в прошлом, но и в настоящем, а это чертовски мучительно. Именно отсюда исходит боль. Ведь если человек моделирует своё будущее, и это моделирование показывает, что перемены неизбежны, это равнозначно осознанию, что сейчас он не такой, как должен быть.

Важно понимать, что сознание и воля тут ни при чём, и позже я опишу, почему. Чем бы там ни было наполнено сознание, в работе мозга «Хорошо» и «Плохо» – это оценка реальности не только здесь и сейчас, но и в будущем. Как бы мы там ни объясняли себе свои поступки сиюминутными эмоциями и потребностями на самом деле мы мотивируемся общим смыслом жизни, в котором «Сегодня» мало чем отличается по смыслу от «Завтра». Разве что разным весом из-за большей долей вероятности – сегодня уже есть, а до завтра ещё дожить надо, и не факт, что это получится.

Соответственно, в процессе оценки себя на состоятельность и необходимость изменений в расчёт берётся вся линия жизни и оценивается не только тот итог, какой имеем к моменту настоящего, но и грядущие достижения, основан-

ные на этом текущем итоге сегодня и вытекающих из него возможностях для завтра. Отсюда и вопросы: «А что я получу завтра, если продолжу быть таким, как сейчас? А реализуюсь ли в течение следующих 15 лет, если я и дальше буду отрицать вот это и это?».

И отсюда же и страх и боль, если вдруг какая-то модель показывает ошибку пути. Ведь ошибка эта, скорее всего, уже далеко не в зоне влияния и досягаемости – она, скорее всего, несколько лет назад, когда в каких-то там условиях у человека появились какие-то мысли и убеждения (читай: мозгом была принята как достоверная какая-то стратегия), и все эти годы по этой стратегии – теперь уже понятно, что неправильной – неправильно расходовались и ресурсы жизни.

Развивающее действие – это осознанная или неосознанная реакция на отрицательную оценку линии жизни. С любой проблемой так:

- Есть потребность.
- Есть какое-то препятствие, мешающее удовлетворению этой потребности самотёком.

Соответственно, если это препятствие мозгу известно, есть мотив на изменения стратегий поведения. Мотив на изменения «срабатывает» в том случае, если потребность выше, чем энергозатраты на терпение неудовлетворённости.

• И есть развивающее действие – работа мозга по изменению себя (связей и приоритетов) и управлению телом (движения, слова и т. п.) – то самое, что является развитием и

изменением в глазах ревизоров.

На практике связка Потребность-Препятствие-Развитие реализуется через так называемый акцептор результата действия.

Когда АРД отрицательный (произошло что-то неожиданное), это служит для мозга сигналом о проблеме – ситуации «недостижения» какой-то воображаемой идеальной картинке. Состояние нахождения в этой ситуации мы и называем проблемой. Состояние Проблемы – это сигнал для изменения типа мышления. Этот сигнал = боль. Моральная боль, если речь о поведении, физическая – если о положении и состоянии в реальном мире.

Чувствуя боль, мы приобретаем мотивацию на изменения поведения или мышления. Ну или идеальной картинке.

Боль – своеобразная лакмусовая бумажка. Если есть моральная боль, дискомфорт, страдания, это однозначно и гарантированно указывает на то, что с мозгом происходят изменения. Не факт, что развитие – так как бегать, и очень быстро, можно и по кругу. Попеременно в цикле переходя от А к Б, а потом обратно от А к Б.

В чём именно происходят изменения, в поведении, в оценках окружающего или в картинке идеального – это уже вопрос конкретной личности и конкретной ситуации. Например, состояние постоянного стресса – это не что иное, как ежеминутная корректировка оценки значимости ка-

ких-то явлений на картину мира и модель будущего. Человек каждый такт времени неосознанно повышает или понижает значимость каких-то явлений для своей картины мира, чтобы поддержать определённый статус-кво своей иерархии или мышления.

Говоря о модели проблемы, я намеренно не делю спектр потребностей человека на какие-то там порядки. В моей теории любая из потребностей может быть доведена в моделях мышления до максимально возможной важности. И за примерами далеко ходить не нужно: любой фанатик любезно докажет, что его ответственность перед оценкой наставника/Бога/руководителя значительно мощнее оценки его собственной жизни.

Поэтому далее, когда я буду говорить о сознании, я буду учитывать все возможные потребности любых порядков и направлений как единое множество возможных комбинаций.

9. Внутреннее напряжение (потребность)

«Современный человек думает, что он теряет время, когда не действует быстро, однако он не знает, что делать с выигранным временем, кроме как убить его»

Эрих Фромм

Неудовлетворённость какой-то потребности выражается в

дополнительном возбуждении. Мы подробнее разберём этот механизм позже, а пока достаточно лишь упомянуть, что это возбуждение – это готовность определённой реакции, будто бы мозг и организм вот только и ждут нужного сигнала, чтобы сработать определённым образом. Похоже на напряжение сжатой пружины.

Напряжение «в ожидании сигнала» по определению не может быть стабильной и замкнутой системой. Состояние человека очень чутко реагирует на все то, что через какие-либо ассоциации связано с предметом возбуждения.

Например, если человек голоден, он будет обращать внимание на запахи и обстановку, связанные с едой.

Если человек живёт целью заработка, он будет обращать внимание на ситуации, связанные с приобретением или потерей средств и ассоциирующиеся с ними образы, звуки и события. Наконец, в качестве примера напряжённой пружины можно привести и наши инстинктивные реакции на окружающую химию – на феромоны противоположного пола, например. Ведь потребность размножиться есть во всех людях, чем бы они по жизни ни занимались и что бы о своей этой потребности ни думали.

Какие-то события действуют на «пружину» расслабляюще, какие-то – усиливают напряжение. А какие-то и вовсе приведут к срабатыванию. Ниже вкратце опишу, как это работает, нам это пригодится в следующих главах.

Выше я рассказывал, как потребности низкого порядка

могут объединяться и переплетаться в потребностях более высокого порядка. На практике это означает, что каждое состояние человека, каждое его действие и каждая ситуация, в которую он попадает, являясь самостоятельными потребностями, одновременно влияют на несколько потребностей более низкого порядка. Влияют неодинаково: в разной степени и даже в разном направлении. Например, воровство может улучшить ситуацию в плане потребности в обеспечении какими-то материальными благами, но, скорее всего, окажется губительным в плане социального признания и иерархии. А в какой-то другой ситуации ровно это же воровство может повлиять на эти же потребности диаметрально противоположным образом. Скажем, если это демонстрация учителем своего умения ученикам.

Таким образом, совершая определённые поступки в определённой ситуации, мы влияем на потребности более низкого порядка, чем сам этот поступок. И при этом мы можем не только непосредственно удовлетворять какую-то потребность, но и компенсировать её неудовлетворённость удовлетворением какой-то другой потребности. Разумеется, это работает лишь в определённых пределах, и всё же. Жизнь коротка, и отсутствие удовлетворения с какой-то сфере вполне можно компенсировать достаточно долго, чтобы в течение целой жизни так ни разу и не сделать ничего в этой конкретной сфере. И притом даже не осознать этого.

Даже если ничего обостряющего или снижающего потреб-

ности не происходит вокруг, их неудовлетворённость со временем неуклонно растёт.

Также важно, что ожидание гарантированного удовлетворения потребности – само по себе частичное удовлетворение. Воображая реалистичное будущее, в котором человек является обладателем чего-то желанного, человек частично испытывает те самые эмоции, которые он испытывал бы, уже будучи обладателем. Чувствует себя более реализованным. И это полученное из воображения чувство является оправданием тому, что сейчас удовлетворения нет.

Если же ожидание негарантированное, то есть воображение нереалистичное, то оно, напротив, служит основанием для скачкообразного роста неудовлетворённости. Казалось бы – одно и то же воображение, но действия противоположные.

Рост бывает скачкообразным, когда мы смотрим на примеры удовлетворения других людей. Это происходит из стремления выживания и иерархичности – наблюдая успех кого-то другого, мы ощущаем нехватку своего собственного успеха в этой конкуренции.

Например, желание соответствовать ожиданиям окружающих по образу жизни (неудовлетворённость любви и безопасности) бурно увеличивается с каждым увиденным/услышанным/придуманым примером идеальной картинки, где всё по канонам: увидел фильм, где герой успешный,образительный, сильный, смелый и т. п. – почувствовал мо-

тивацию на успех и достижения; друзья/родные намекнули, что пора бы занять семью (в голове сразу возникла картинка идеальной семьи) – острее прочувствовал одиночество. И т. п.

Я описываю лишь явные и очевидные примеры, в то время как «пружина» реагирует в том числе и на такие события и явления, которые воспринимаются, но не осознаются. Те же запахи феромонов или мелкие детали, которые попадают в поле зрения, но не получают осознанного внимания, звуки фона, температура, тональность слов и ещё куча других сигналов.

В моменты такого скачкообразного роста внутреннее напряжение чувствуется более явно – в предыдущий миг «Я» было одним, с одними желаниями и стремлениями, сейчас это «Я» – другое.

С этими резкими переходами состояний связано множество когнитивных искажений, которые и не дают контролировать и прогнозировать свои действия. Для того чтобы обрести возможность прогноза и контроля, нужно разбираться, как работает мышление, ассоциации, эмоции, мотивация и обучение.

Глава 2

Живая и настоящая личность

Ассоциации

10. Ассоциации, интеллект и эмоции

«Просвещение погружает во мрак... Наука предполагает неведение»

Филипп Вердо

Вокруг куча мнений, тысячи книг и миллионы людей, и количество информации настолько велико, что и узнать, и осознать её полностью в рамках человеческой жизни просто невозможно.

Дело даже не в том, что на одно и то же явление мы смотрим с разных точек зрения и понимаем одни и те же вещи по-разному. Это влияет, бесспорно. Но куда как большее влияние оказывает то, что каждый из нас находится в каждый момент времени в одной точке. И видит мир вокруг не полностью, не «сверху», а из этой точки.

Причём какие бы ни были способности у человека согласно его генетическому набору, его возможности, согласно

психогенетике, будут определяться прежде всего его окружением и жизненной необходимостью. То есть голодный будет думать о еде, а вшивый – о бане. И именно этими мыслями будет определяться набор явлений, попадающих в зону внимания человека, его культура, его поступки, мысли, чувства, а значили натренированные в процессе жизни рефлекссы и способности.

Например, интеллект. Принято считать, что это отдельная врождённая характеристика человека, что его существует нескольких видов, и каждый из этих видов присутствует в человеке в той или иной степени. Также принято считать, что есть некие качественные показатели, определяющие интеллект, такие как широта мышления, логика, критичность, глубина и гибкость разума, любопытство или доказательность. Зачем-то выдумываются теории и методики, позволяющие оценить интеллект, 10 или какие-то ещё метрики. Будто бы сказав кому-то «мой интеллект больше, чем твой», человек сделает миру лучше...

По-моему, всё это говорит о том, что люди не понимают, о чём говорят, и пытаются своими словами пересказать суть ускользающего от сознания явления. Само явлениесообразительности человека и его способности адаптироваться (скорость, качество и цена адаптации) невозможно измерить или предсказать на практике, поэтому куда как проще измерить способности человека (не обращая внимания на среду тестирования), достижения (не думая о завтра) и ориенти-

ровки человека и повесить на человека ярлык для упрощения дальнейшего взаимодействия.

А что, если интеллект определяется всего двумя показателями? Причём косвенно. Причём не качественными, а количественными. Один из них происходит из генетического набора человека, и тут уж ничего не поделаешь, – это максимальное количество ассоциаций, которым может оперировать человек. Назовём это интеллектуальным потолком человека. Вторая – количество ассоциаций, реально полученных человеком в его жизни. Назовём это текущим интеллектом.

Все остальные показатели – производные.

А самое главное, что производными или, вернее даже сказать, побочными эффектами являются все те самые характеристики, которые считаются показателями: логичность, критичность, глубина анализа, широта мышления и т. п.

В плашках пара примеров на основе системно-векторной психологии.

Если у человека в генах оптимальное строение уха, он будет в процессе своей жизни больше внимания обращать на звуки, понимать их и воспроизводить. Если при этом его полоток интеллекта не позволяет ему сохранить всё то, что он слышит, он будет систематизировать эти звуки, чтобы запоминать лишь яркие отличительные черты или механизмы воспроизведения. Эта систематизация будет вызывать дискомфорт всякий раз, когда он будет слышать что-

то новое или негармоничное, и в итоге человек придёт к конструктивной (системной) критике или самостоятельному написанию музыки. Мы скажем о нём, что он отлично разбирается в музыке, хотя, казалось бы, за что именно мы его хвалим?

В процессе жизни человека с определённым строением вестибулярного аппарата и высоким уровнем сенсорики практически наверняка будут доминировать стремления максимально эффективно приближаться к приятным ощущениям и отдаляться от неприятных. Какой опыт наберёт в жизни такой человек? Какими ассоциациями будет наполнено его мировоззрение?

И насколько же восхитительно искусными будут его телодвижения в достижении поставленных целей! А ведь если бы ему хватало потолка ассоциаций не только для цепочек «раздражитель = телодвижение», но и глубже в суть, как «раздражитель = источник раздражения = модели поведения, сформировавшие этот источник = конкретные люди в окружении, поддерживающие эту модель поведения = договорённости = устранение раздражителя», он с успехом справлялся бы со своими проблемами и без выдающихся возможностей по владению своим телом. Люди скажут о нём, что у него очень высокий телесно-кинетический и пространственный интеллект, а я бы сказал, что у него определённые ограничения и определённый опыт.

Если бы потолок интеллекта позволял запоминать все ас-

социации, какие человек встречает на своём пути, он бы не специализировался, а просто впитывал бы знания о мире.

И что ещё более важно, рассказать о своих знаниях окружающим можно только в том случае, если окружающие способны эти знания принять. То есть если бы не было потолка ассоциаций, вероятно, и не было бы необходимости иметь за одним словом сотни значений, понятия меньше бы группировались.

Интеллект, как и многие другие качества человека, оценивается с точки зрения полезности здесь и сейчас.

То есть даже в тех случаях, когда конкретно в текущей ситуации какие-то способности человека и не применимы, оценка интеллекта считается положительной, если в обозримом будущем очень вероятны ситуации, в которых эти способности пригодятся.

Например, нужна ли аборигенам логика? Если образ жизни некой группы основывается на бесконечном недостатке еды и тепла и отсутствии естественных внешних угроз как личности, так и всему обществу, этакая безопасность для всех, так ли важно для них будет умение считать или строить сложные логические конструкции?

Сложное слово – ассоциации. Требуется пояснений, как минимум что с чем ассоциируется. Ведь в классическом понимании в психологии это – упрощённо – два психических явления, логически связанных друг с другом в сознании.

Моё понимание ассоциаций не противоречит, а дополняет известное. Да, есть анализ для разбора и синтез для поиска аналогов в чертогах памяти. Но есть и ещё кое-что.

Когда мы видим предмет, так называемое подсознание его анализирует и разбивает на отдельные логические блоки, воображение на основе опыта синтезирует из этих блоков нечто известное и приемлемое, встречавшееся ранее или в подобной ситуации. Вот поиск этого «чего-то известного» как раз и происходит согласно описанным в психологии четырём типам ассоциаций (аналогий): по сходству, контрасту, по смежности в пространстве и времени и по причинно-следственной связи. Как тут могут быть в одном предложении такие слова, как «воображение» и «опыт»?

Примечательно, что мозг не хранит непосредственно сами воспоминания. Он хранит образы и те самые ассоциации, из которых в любой момент времени можно создать (да-да, именно создать) нужное воспоминание.

Э. Лофтус, профессор Вашингтонского университета: *«Когда мы что-то вспоминаем, мы берём фрагменты опыта (иногда из разных времён и мест) и складываем их вместе, чтобы построить то, что кажется нам воспоминанием, но на самом деле является конструкцией».*

Очень наглядную аналогию приводит А. Курпатов: *«Вы не помните всех яблок, которые вы когда-либо ели, но у вас достаточно кирпичиков, чтобы „собрать“*

целостные воспоминания о любом яблоке».

В рационально-эмоциональной поведенческой терапии (РЭПТ) есть понятие активирующего события, или активатора, базирующееся на том, что люди, стремясь к достижению своих целей, сталкиваются с этими активаторами, оценивают (подсознательно) их влияние на достижение целей и эмоционально реагируют. Именно это является источником всех мотивов.

По РЭПТ, активаторы – это события, чувства, переживания и поведение настоящего времени или текущего момента, прошлого опыта, а также воспоминаний или мыслей человека (сознательных и бессознательных).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.